Актриса на главную роль

Автор:
Татьяна Алюшина

Актриса на главную роль

Татьяна Александровна Алюшина

Еще раз про любовь

Театральная жизнь после карантина насыщена событиями. Молодой талантливый режиссер Глафира Пересветова готовится к премьере, и постановка обещает быть резонансной. Вокруг пьесы кипят нешуточные страсти, происходит убийство, Глафира с головой погружается в расследование. А между тем у нее самой начинаются отношения, и похоже, что это любовь. Но как им быть вместе – она режиссер, а он военный летчик, их жизнь в постоянных разъездах с полным погружением в профессию. Перерастет ли их роман в нечто более серьезное?

Татьяна Алюшина

Актриса на главную роль

© Алюшина Т., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

– Думаю, достаточно, Элеонора Аркадьевна, – сдаваясь, вздохнула Глафира и, резко сменив тон, четко выговаривая каждое слово, холодно распорядилась: – Покиньте, пожалуйста, сцену.

– Уж точно не вы удалите меня с этой или какой-либо иной сцены! – вскипела ведущая актриса театра, вложив в свой ответ все клокотавшее в ней негодование.

– Сцену покиньте, – уставшим от затянувшегося противостояния, но достаточно требовательным, жестким голосом повторила Глафира. – Я снимаю вас с роли.

– Вы?! – с презрением произнесла прима, саркастически усмехнувшись, и повторила с нажимом: – Вы?! Да кто ты такая, чтобы снимать меня с роли, соплячка? Пустое место будет снимать меня с роли?!

– Я смотрю, вы все-таки решили осчастливить нас своей талантливой игрой и публично высказаться со сцены со всей присущей вам страстностью, которые вы так тщательно старались не демонстрировать в работе? – произнесла в микрофон Глафира. – Очень жаль, но с выступлениями вы несколько запоздали.

Актеры между тем с жарким любопытством наблюдали за разгорающимся скандалом, а некоторые шустренько повытаскивали смартфоны из карманов, чтобы снять столь эпохальное событие. Заметив это, Глафира объявила:

– Все свободны. Перерыв тридцать минут.

Распорядившись, Глафира выключила лампу, прикрепленную к столешнице, и микрофон на пульте и поднялась из-за режиссерского стола с явным намерением покинуть зал.

– Нет, ты меня выслушаешь, дрянь! – громко, профессионально посылая звук так, чтобы каждая буква была слышна и на галерке, произнесла Туркаева и решительным шагом двинулась к выходу в углу сцены.

Глаша обреченно вздохнула, понимая всю очевидную невозможность остановить разошедшуюся приму, горящую желанием высказаться, и плюхнулась назад в свое режиссерское кресло. Что толку уходить в кабинет, или в буфет, или еще

куда подальше? Если приме припекло высказаться, она ее везде достанет, да еще затеет показательный скандал, втянув в разборки весь театр.

Следя взглядом за двигавшейся по сцене артисткой, Глафира не удержалась от мысленного одобрения: нет, все-таки Туркаева великолепная актриса, что ни говори, талант! Вот она вся такая несправедливо унижаемая, гордая в своей правоте, в своем величии, кипит, негодует, но не бежит торопливо, не суетится, как истеричная простушка, – ни боже мой! Все рассчитано, продумано – каждое движение, каждый жест, поворот головы, выражение лица. Ни на секунду она не выходит из образа, при этом не забывая внимательно отслеживать и реакцию зрителей, в качестве которых выступали партнеры по сцене (они не торопились уходить, предвкушая грандиозные разборки между ведущей артисткой театра и режиссером).

Глаша просто-таки искренне любовалась этой филигранной игрой. Красивая, статная женщина, элегантного возраста в районе… скажем так, чуть за сорок пять, с великолепной фигурой, совсем немного тронутой временем, с которым Элеонора Аркадьевна ведет нескончаемую непримиримую борьбу, пока героически побеждая по всем фронтам. Она определенно выглядела гораздо моложе своего возраста, что и давало ей возможность прекрасно и весьма органично играть молодых героинь.

Талант и сила воли, достойные восхищения, как ни крути. А еще умение, отточенное годами, качественно, глубоко выражать эмоции, что без сомнения лишь обогащает ее дарование и игру на сцене, но в жизни, увы, доставляет огромное количество неприятных моментов всем окружающим, которые оказываются вынужденно втянутыми в скандалы ведущей примы театра.

Глаша в который уж раз с легким сожалением подумала о том, что у них с Туркаевой случился, как говорится, полный неконнект с первой же встречи или скорее еще до встречи. Хотя…

Кипящая возмущением прима тем временем подошла к краю сцены, где ее ожидал самый преданный из всей актерской труппы приспешник Золотов, не задействованный в постановке, но регулярно следивший за репетициями из зала.

С подходящим случаю выражением обожания и полной солидарности на лице он протянул руку, чтобы помочь приме спуститься по ступенькам, жестом, исполненным благоговения, который был принят Элеонорой как нечто само собой разумеющееся.

– Не слушайте никого! – в восторженных тонах и достаточно громко, чтобы было слышно всем, произнес он, как бы демонстрируя, что присоединяется к протесту великой актрисы против тирании и глупости недоумка-режиссера. – Вы блистали! Блистали! Как всегда, непревзойденная Элеонора Аркадьевна!

Та хоть и отмахнулась покровительственно-пренебрежительно от комплимента, но прогиб ухажера был явно засчитан благосклонным полукивком и легким намеком на улыбку на устах «непревзойденной». Но так, мимоходом, вскользь, как бы ни о чем…

И абсолютно всем наблюдающим за этими двумя была понятна обыгрываемая ими дежурная мизансцена – преклонение и сердечная преданность приме простого артиста труппы и снисходительная благосклонность великой артистки.

Может оттого, что поклонник не блистал настолько, насколько хотелось бы Элеоноре Аркадьевне, этой игре не хватало страсти. Золотов был почти ровесником примы, а не молодым великолепным Аполлоном, с прекрасным телом атлета, что, понятное дело, было бы куда как предпочтительней. Да и человечишко-то был так себе, с гнильцой, с нагловато-слащавым взглядом прожженного циника, хотя и со все еще привлекательной внешностью, потому что за фигурой следил, не позволяя себе расползаться-опускаться.

И все же… возраст, старательно маскируемая прогрессирующая лысинка поклонника – ну не то же! Вот не то! Не совсем по статусу столь мощной личности, как актриса Туркаева, к тому же и фамилия у почитателя была вовсе не Золотов, а Зобов. Но когда по окончании вуза тот пришел наниматься на службу в театр молодым актером, художественный руководитель, игнорируя всякую тактичность, заметил, скривившись от необходимости объяснять столь очевидные вещи:

– Артист не может иметь такую фамилию. Такую артистическую фамилию, извините, даже в рот брать неприлично.

И Федор Зобов тут же стал Феодором Золотовым, подправив в паспорте от усердия заодно и имя родное, чем сразу же заслужил неприятную кличку у язвительных артистов, не прощающих другим собственных пороков: Золотой Зоб, или сокращенно ЗэЗэ (и ужасно негодовал по этому поводу все годы своей службы). Но надо отдать должное – артистом ЗэЗэ был весьма и весьма талантливым. Для таланта, знаете ли, как наглядно доказывает жизненная практика, совершенно не обязательно быть хорошим человеком.

«Первый же плюнет в спину и понесет грязные сплетни, случись «несравненной» выйти в тираж», – подумала Глафира с каким-то сочувствием и жалостью в адрес Элеоноры, глядя на приближающуюся парочку.

И ведь оба все прекрасно понимают друг о друге, но в образе, в образе… Все игра. Все.

«Как с ней Грановский вообще живет? – подумалось Глаше. – Элеонора же постоянно в какой-то роли: ладно на сцене, но ведь и в жизни ни одного слова, ни одного жеста естественного, все в игре, в игре, такой психотип личности. Сдуреть же можно!»

Она даже плечами передернула, как обычно мгновенно представив то, о чем подумала, наполнив подробностями, мелочами и красками кусочек из жизни других людей.

Тем временем кипящая праведным гневом Элеонора добралась-таки до режиссерского стола в сопровождении преданного поклонника, державшегося чуть позади нее и желающего оказаться в самом что ни на есть центре грандиозного скандала. В предвкушении которого, кстати, артисты на сцене уже навострили уши и, совершенно беззастенчиво демонстрируя свое любопытство, стали подтягиваться поближе к рампе.

Да вы что, как можно уходить-то?! Тут же вон что назревает! Обжигающий месседж! Туркаева допекла, наконец, Пересветову!

Это же какой шкандаль, боже мой, красоты необыкновенной!

Ой, что будет, что будет!

– Ты?! – Туркаева уперлась ладонями о столешницу, но сделать жест красивым, с явным доминированием над объектом обличения не получалось – помешала коробка режиссерского пульта управления, стоявшая на краю столешницы, которая отгораживала Глафиру от актрисы.

Основной пульт управления сценой, декорациями, звуком и спецэффектами, за которым работает один из помощников режиссера, как и положено, находился за кулисами, а этот, небольшой, портативный, обеспечивал связь с декораторскими и костюмерными, с цехом работников сцены.

Очень удобно, но не для разбушевавшейся актрисы, которой требовалось театрально-красочно, страстно обрушить на зарвавшуюся режиссеришку весь свой праведный гнев.

Мгновенно оценив проигрышность принятой мизансцены, Элеонора энергично оттолкнулась руками, шагнула вперед и вбок, обходя стол, и, опершись одной рукой о край столешницы, подбоченилась.

Ну, слава богу, поза доминирования худо-бедно, но найдена и принята! Хоть и не достигает желаемого эффекта, скорее походит на то, как возмущенная новыми требованиями преподавательница гимназии пристроилась сбоку от сидевшего в кресле директора – бунт на корабле обозначен, а вот статуса директорского опустить не удалось. Тот по-прежнему расслабленно сидит в кресле, а недовольная мадам стоит в напряженной позе, которая совершенно не впечатляет, хоть ты как руки пристраивай, – не удержалась от мысленной иронии Глафира, мгновенно, на автомате, оценив новую мизансцену с точки зрения театрального постановщика, и откровенно усмехнулась своим мыслям.

– Тебе кажется что-то смешным?! – произнесла Туркаева тоном, обещающим страшную расплату и всяческие грядущие беды.

– Вы знаете, да, – подтвердила Глафира выдвинутое предположение, откидываясь на спинку кресла, словно устраиваясь поудобней и собираясь смотреть представление.

– Ах, тебе смешно! – стальной струной зазвенело предупреждение в голосе актрисы, заводящейся не по-детски. – Так я тебя огорчу! – и добавила в речь высокомерно-брезгливых тонов: – Ты, малолетняя выскочка! Думаешь, что

заплатила кому надо, снялась у пары крутых режиссеров, склепала пьеску в столичном театре, дав денег худруку, и заделалась великой звездой! Кочка на ровном месте образовалась! Возомнила себя великим Гончаровым или Эфросом! Или решила, что Карбаускисом заделалась?! Так вот, можешь считать, что твоя так называемая карьера кончилась, практически не начавшись. Выметайся отсюда немедленно! Твое имя прополаскают во всех соцсетях и публикациях, да так, что до смерти не отмоешься и вход в профессию для тебя будет закрыт навсегда! Тебя просто не станет – пшик, пустое место! Не было никогда! А сейчас я сообщу Тихону Анатольевичу, что мы разрываем с тобой контракт и заканчиваем все отношения!

Ведущая актриса театра с не скрываемым особым эстетическим удовольствием бурно выражала свои эмоции, не заморачиваясь соображениями такта. А зачем? Насколько смогла Глафира узнать Туркаеву, скандалы ее лишь бодрили, освежали и красили, неизменно повышая самооценку, и без того задранную выше некуда, особенно если учитывать тот факт, что мало кто решался давать ей достойный отпор.

– Элеонора Аркадьевна, – ровным, скучно-постным тоном начала Глафира. – Получилось так, что наши с вами отношения не сложились с самого начала. Принять мое руководство и подчиняться моим требованиям как режиссера вам было определенно не по нервам. Я достаточно долго терпела ваш откровенный саботаж, лаская себя надеждой, что профессионализм и талант возобладают над вашей личной неприязнью и мы сможем нормально работать. Вынуждена констатировать, что ошиблась. Посему не считаю необходимым более задействовать вас в спектакле. Я официально снимаю вас с роли героини и передаю ее Наталье Гордеевой.

– Какая Гордеева?! – взорвалась новой яростной волной возмущения прима. – Я сказала: пошла вон из театра! Ты здесь больше не работаешь! «Требования режиссера»! – с огненным сарказмом повторила она слова Глаши. – Кто?! Ты режиссер?! Сучка малолетняя, возомнившая себя неизвестно кем! Да я тебя размажу! – Она резко подалась вперед, наклонившись к Глафире, и пригрозила громким, устрашающим шепотом, слышным, тем не менее, даже на сцене: – Я тебя уничтожу. Сотру в порошок. От тебя даже воспоминания не останется. Так, может, сморщит кто лоб, пытаясь припомнить, что там за тля такая была.

Глафира поднялась с кресла, включила кнопку микрофона на пульте и, напрочь игнорируя бушующую рядом Туркаеву, произнесла:

– Господа артисты, напоминаю, что перерыв закончится через… – она посмотрела на часы на левом запястье, – через двадцать пять минут. После чего жду вас всех на сцене для повторного прогона с актрисой Гордеевой.

– Да сейчас! – некрасиво, как-то по-бабски истерично, на миг позабыв о роли и необходимости держать лицо, взвизгнула рядом Туркаева и каким-то стремительным движением, мгновенно вцепившись, рванула у Глаши микрофон из руки.

Глаша и не попыталась сопротивляться и бороться, отступила сразу, ну не вступать же, на самом деле, в пошлую возню с заслуженной артисткой страны, ведущей примой данного театра. Но не менее стремительно успела нажать кнопку на пульте, выключая громкое оповещение.

– Никто не расходится! – кричала в молчавший микрофон Элеонора.

А сообразив, что тот выключен, отшвырнула его, развернулась и прокричала, нещадно надсаживая луженые голосовые связки:

– Всем оставаться на месте!

«Типа: алес капут!» – не удержалась от мысленного комментария Глаша, снова непроизвольно усмехнувшись.

– Я сейчас же вызову Тихона Анатольевича, и мы продолжим репетицию! – распорядилась Элеонора. – Нормальную репетицию, без этой… С ней премьера не состоится, я вам это обещаю! Или без нее, или вообще никакого спектакля не будет!

– Что здесь происходит? – раздался от входа густой, хорошо поставленный голос неосмотрительно упомянутого всуе великого и неприкосновенного Тихона Анатольевича.

Художественный руководитель, царь, бог и отец родной данного театра, величественно вышагивал между рядами, приближаясь к режиссерскому столу в зале.

Тихон Анатольевич Грановский, в прошлом совершенно потрясающий, уникальный артист и вот уже без малого двадцать пять лет руководивший краевым Театром драмы и комедии, был высок, монументален, импозантен, истинно красив особой зрелой мужской красотой, которая с годами делает мужчину лишь более привлекательным, добавляя образу мудрого благородства. Он до сих пор в свои шестьдесят семь пользовался у женщин невероятным интересом.

Грановский прекрасно знал себе цену, но, как любой творческий человек, нуждался в признании заслуг, напоминании о его величии и вознесении должного его талантам. И принимал это с довольством. А вот пустой, расчётливой лести не любил, чутко определяя любой намек на нее и жестко одергивая льстеца. И мог надолго, а то и навсегда лишить человека своего расположения.

Вот к гадалке не ходи – кто-то из актеров уже втихаря позвонил и стукнул «папочке», что начались грандиозные разборки между режиссером и примой театра, которая по совместительству являлась женой его руководителя.

– Очень хорошо, Тихон Анатольевич, что вы пришли! – торжествующе звеня голосом, провозгласила Туркаева, явно намекая на самые страшные для Глафиры репрессивные меры. – Я… нет – мы, – широким актерским жестом повела она рукой в сторону сцены и повторила, сделав упор на слове, – МЫ, актеры нашей труппы, требуем немедленно разорвать контракт с этой… – презрительно скривилась она в сторону Глафиры, буквально выдавив из себя со всей возможной уничижительностью ее фамилию, – Пересветовой.

Ну вот не нравилась ей фамилия Глафиры, что ж тут поделаешь, раздражала до невозможного, как и ее носительница.

Неторопливо-величественно неся свое крупное, с возрастом оплывшее тело, упакованное в обманчиво простой строгий костюм, Тихон Анатольевич выразительно посмотрел на Туркаеву, выдержал многозначительную паузу и переспросил с наигранным нажимом:

– Да? Прямо-таки вся труппа требует? – Он перевел взгляд на сцену и спросил, обращаясь к актерам: – И кто конкретно присоединяется к требованию актрисы Туркаевой? Или на самом деле вся труппа?

Под тяжело-вопросительным взглядом «отца родного», кормильца-поильца, театрального царя и бога, актеры стушевались, как дети, застуканные за поеданием запрещенного шоколада, спертого из бабушкиного буфета, и, чуть ли не толкая друг друга, бормоча нечто невразумительное, ринулись покидать сцену один за другим, отказав любимой приме в солидарности.

– Я! – смело-гордо поддержал приму Золотой Зоб, дав горлом со страху легкого «петуха». Кашлянул и повторил тверже и уверенней: – Я.

– Ой, да… – скривился, как от нашатыря, Грановский, пренебрежительно отмахнувшись от главного прихлебателя. – Ты-то еще куда, Федор Палыч? – Потом обратил свой взор на примолкшую, но не растерявшую боевого настроя Туркаеву, и распорядился: – Элеонора Аркадьевна, будьте так любезны, проследуйте в мой кабинет, – и, отступив на шаг, сделал широкий, приглашающий жест рукой.

– Да! – выказала горячую готовность следовать за руководителем и мужем в одном лице прима и, одарив Глафиру победным торжествующим взглядом, выстрелила напоследок обещанием: – Сейчас мы наконец-то покончим с этим недоразумением!

И горделивым победным движением вскинув подбородок, направилась к выходу. Грановский же, никоим образом более не обозначивший своего отношения к возникшему конфликту, молча развернулся и вальяжно двинулся по проходу следом за женой.

– Все, Феодор Палыч, бенефис госпожи Туркаевой закончился, вы смело можете идти по своим делам, – усмехнувшись, напомнила переминавшемуся с ноги на ногу Золотову Глафира.

– Да-да, – словно спохватившись, согласился тот и дружелюбно, как ни в чем не бывало улыбнувшись ей, торопливо, почти бегом, заспешил к другому выходу из зала. А Глафира, устало опустилась в кресло, откинулась на спинку и позволила себя тяжкий вздох.

Как же ее достала эта хренотень!

Конечно, понятно, что актеры, да и сама постановка, что называется, «застоялись» за время вынужденного сидения по домам в период карантина. И хотя они не прекращали репетиции по Интернету в режиме конференции, но театральный спектакль не творится удаленно, это все равно что зубы по телевизору лечить.

Ткань постановки, нерв любого спектакля рождаются и творятся во время репетиций на сцене, в живой игре, в обмене актерами мощностью своего таланта и энергии, в умении чутко реагировать друг на друга, входить в одно на всех состояние творчества. Так рождается энергетика пьесы… А потом уж, когда спектакль, что называется, сделан, можно хоть онлайн транслировать, хоть записывать и бесконечно прокручивать видео.

Но все планы пошли лесом, когда возникли обстоятельства неодолимой силы, именуемые коронавирусом.

Только они начали в феврале работу над спектаклем, только художники принялись за разработку декораций и костюмов, только актеры приступили к вычитке текста, как нате вам, получите – все на, будь она неладна, самоизоляцию! Начав с так называемых культурно-массовых мест, театральных работников загнали в первую очередь.

А уж потом, где-то через неделю, объявили и всеобщий карантин.

И вот наконец выпустили из изоляции, словно шпану хулиганистую из околотка на свободу. От переизбытка накопившейся энергии и некоторой доли отупления и откровенного расслабона, от сидения взаперти актеры бесконечно лажали, никак не могли сыграться, войти в нужный ритм постановки, ленились и халтурили. Но Глафире удалось-таки загнать их твердой волей в нужный режим работы. Не без проблем, понятное дело, но все же достаточно скоро процесс наладился и пошел, если бы не Туркаева.

Эльвира Аркадьевна восприняла неожиданное появление нанятого на постановку конкретной пьесы режиссера Глафиры Пересветовой почти как личное оскорбление и встретила ту откровенным пренебрежением.

И как ни просила Глаша Грановского не ставить Туркаеву на главную роль, как ни обосновывала свое нежелание работать с примой, заранее понимая, что не

будет у них контакта и нормальной слаженной работы, Тихон Анатольевич таки «продавил» это свое решение. Настоял, упросил, уговорил хотя бы попробовать.

Вот она и попробовала на свою голову, дала слабину.

Нет, никто не спорит и не станет отрицать, что Туркаева выдающаяся актриса без всяких сомнений, совершенно обоснованно получившая звание «заслуженная артистка России». Ведущая прима главного краевого Театра драмы и комедии, при появлении которой на сцене зал взрывался бурными аплодисментами. Любимица местного бомонда и руководителей края. Звезда, одним словом.

И как большинство звезд, капризна до экзальтации, влюблена в свою славу, известность и исключительность, которые тщательно охраняет, холит-лелеет, о которых неустанно заботится, не гнушаясь никакими методами. Склочничая, изничтожая более слабых, распуская сплетни и оговоры, приближая к своей особе и лишая доступа к оной за хоть малую провинность, тщательно просчитывая свои выгоды и преференции. Такая нормальная, здоровая стервозность актрисы, умеющей идти по головам к своей славе.

Глафира и на самом деле надеялась, что профессионализм Эльвиры возобладает над личным отношением и они все-таки дотянут до премьеры. При всех малоприятных чертах характера дурой Туркаева уж точно никогда не была и прекрасно понимала, что еще до премьеры спектакль в постановке Пересветовой заранее был объявлен резонансным, входящим в тройку трендовых, а стилистику ее постановки критики назвали уникально-провокационной (и не на уровне их краевого центра или региона, а на самом высоком уровне столичных театральных кругов и медийных изданий).

Существовала большая доля вероятности, что так оно все и получится: Эльвира будет изображать вынужденную тяжкую необходимость терпеть малолетку-выскочку, наглую девчонку, но работать станет на совесть, если бы с самого начала Глафира не чувствовала, что чего-то ей не хватает в игре Туркаевой.

Вот что-то не то, не то! Не резонирует та, не монтируется в постановку, как хотелось бы, не встраивается плотно, гармонично в сложившуюся в воображении Глаши концепцию, в ее режиссерское видение, чем-то пусть и незначительно, но диссонирует.

И, не сумев внутренне принять компромисс в работе, Глафира решила попробовать с другой актрисой и начала параллельно репетировать с Натальей Гордеевой, как бы вторым составом на роль главной героини.

Ну вот такого «хамства» Элеонора Аркадьевна уже точно выдержать не могла. Как говорится, «не хамите и нехамимы будете».

И понесла-а-ась. Начались откровенный саботаж, истерики на сцене, игнорирование режиссерских требований, уход во время репетиций – одним словом, на, получи, деревня, трактор на резиновом ходу! При этом Туркаева прекрасно понимала и отдавала себе отчет, что до премьеры оставалось несколько недель и что смена ведущей актрисы в уже сыгранной команде это всегда стресс и всегда риск. И самое главное – что зритель шел на ее имя. Местный зритель обожал свою приму.

Она искренне была уверена, что ее откровенный саботаж ставит Глафиру в патовое положение, из которого есть один-единственный, как ей виделось, выход, самый крайний – худрук передает выпускать другому режиссеру или выпускает сам, уже полностью выстроенный и законченный Пересветовой спектакль, поскольку отменить премьеру невозможно.

Есть ведь еще и чисто финансовый момент, вирус там, не вирус, конец света или еще какая напасть. Скорее, в сложившихся обстоятельствах финансовый момент, пожалуй, доминирует над всеми остальными факторами.

Хотя бы по той причине, что деньги инвесторов, вложившихся в постановку, благополучно потрачены: декорации нарисованы-выстроены, костюмы сделаны, зарплаты выплачены и… и все дружно загремели на карантин. Спасибо им огромное уже за то, что они не отозвали вложенные средства, когда стало понятно, что театр закрывается на неопределенный срок, и дали возможность закончить постановку.

И если входили мы все в этот самый, будь он неладен, карантин в одном мире, то вышли из самоизоляции со-о-о-всем в другой мир, в существенно изменившуюся действительность.

И самым очевидным и неприятным моментом этой новой действительности являлось то, что у большинства людей с финансами случилась тяжелая засада.

Глубокая, продолжительная, с неясной перспективой или полным ее отсутствием.

И как ни поразительно и чудно, хотя скорее все же закономерно, с окончанием карантина культура стала очень востребованной, но все же…

Для того чтобы кто-то выделил определенную сумму из значительно оскудевшего бюджета на билеты в театр, надо было сильно постараться.

Очень-очень серьезно постараться.

И помимо грамотной рекламы премьерной постановки, на которую было поставлено очень много, хотя бы потому, что этим спектаклем открывался новый сезон, далеко не последнюю роль играло имя любимицы местного зрителя, заявленной в роли главной героини. А тут такой облом – в главной роли актриса «второго эшелона». Не то чтобы неизвестная совсем, но ее имя, разумеется, не столь громкое, как у примы.

Но. В своих расчетах и горячем противостоянии госпожа Туркаева не учла несколько моментов. Первым и самым важным из которых являлось своеобразие личности Глафиры. Неординарная, с весьма оригинальным мышлением, видением, восприятием и отношением к жизни, она совершенно игнорировала авторитеты, принятые устои, законы, правила как социума в целом, так и его отдельно взятых профессиональных конгломератов.

Ее не волновали такие вещи, как слава, известность и соответствие каким-то там течениям, модным не модным, необходимость подстраиваться под чьё бы то ни было мнение, удовлетворять чужие амбиции, не мучали размышления о том, что надо хайпиться, выделяться.

Вернее, совсем не заботили.

Она воспринимала жизнь не как большинство людей, чутко прислушиваясь к своему внутреннему миру, состоянию души. А уж с кем и как воплощать эту картину в жизнь, она определяла, руководствуясь лишь тем критерием, насколько артисты гармонично воссоздают мир ее образного мышления, и напрочь игнорировала звания, регалии, достижения и даже образование человека, воплощающего эту ее идею. В одном спектакле главную роль у нее

играл человек, вообще не имевший к театру никакого отношения.

И так играл, что зашибись! Мало кто из профессиональных артистов так сыграет. Премию получил, между прочим.

Вот такая у нее была жизненная концепция.

На самом-то деле это всего лишь второй спектакль, который она ставит, ну третий, если считать дипломную работу. Но концепция есть. Как и жизненная позиция.

Глафира расплылась в улыбке, размышляя про бесполезный скандал, устроенный примой.

Если откровенно, она считала, что постановка только выиграет без Туркаевой. Гордеева, правда, тоже не идеал, который хотелось бы, но и ничем не уступает Элеоноре Аркадьевне, даже в чем-то выигрывает, молодостью, например, дающей ей больше легкости в восприятии и передаче современного материала. Они же не Чехова ставят. И не Островского. А молодого, невероятно талантливого автора.

Есть еще один момент, который не учла Туркаева. Они и в самом деле вышли из своих квартир в сильно изменившийся мир, и взбрыкивать точеной актерской ножкой, требуя к себе особого отношения, лишь потому, что ты краев не видишь из-за своей «исключительности», уже не так безопасно, даже если ты жена художественного руководителя.

Сытая жизнь закончилась, теперь выживаем как можем в сильно усложненных условиях. А еще стоит учесть, что у артистов, как известно, вся жизнь «сегодня банкет, завтра голодовка», поскольку профессия диктует, что «как потопаешь, так и полопаешь», и на той, будь она неладна совсем, самоизоляции все они поиздержались до последних грошей, припрятанных на черный день. Кроме того, предстоящая премьера уже достаточно разрекламирована на федеральном уровне, и поэтому никто из актеров не торопился поддерживать демарш примы против режиссера Пересветовой. А ровно наоборот, они держались за свои роли всеми возможными способами. Мало того, мадам Туркаева реально рисковала нарваться и на, мягко скажем, недоброжелательное отношение труппы, если не на откровенный остракизм.

Ладно, вздохнула Глафира. Пойти, что ли, кофе выпить, пока есть еще время.

Запел звонок смартфона на столе. Посмотрела на экран – Грановский.

– Слушаю, Тихон Анатольевич, – отозвалась Глаша, уловив в трубке на заднем плане возмущенный голос Туркаевой.

– Зайдите ко мне, Глафира Артемовна, – неопределяемым тоном пригласил худрук.

– Иду, – ответила Глафира, легко поднимаясь с кресла и привычно прихватив свою непомерно распухшую тетрадь с режиссерскими записями – предмет колких шуток, едких замечаний и даже анекдотов. В «талмуде», как называли между собой ее тетрадку актеры, торчали разнокалиберные закладки веселенькой, яркой расцветки, а непомерная раздутость возникла от вложенных в нее записок, распечаток текстов, вклеенных образцов тканей костюмов, рисунков тех же самых костюмов и декораций, бесконечных заметок о многих вещах, которые требовало зафиксировать ее режиссерское видение.

Так она и ходила по театру, не расставаясь с заветной тетрадкой, которую, честно говоря, и тетрадью-то назвать можно было уже с большой натяжкой. А еще была неизменная бутылка воды (про привычку Глафиры много пить в течение дня артисты тоже иронизировали на разные лады).

Возле приемной художественного руководителя Глафира чуть не столкнулась, в последний момент чудом успев остановиться, с выскочившей из дверей, пылающей от запредельного возмущения Туркаевой. Артистка одарила ее взглядом, переполненным ненависти такого накала, что, будь Глаша более чувствительной барышней, могла бы и всерьез испугаться, с ужасом представив свое нерадостное будущее в этом театре. Или скорее полное отсутствие этого будущего.

Она резво отскочила к стене, давая дорогу этому «бронепоезду под парами», проводила взглядом удаляющуюся по коридору Элеонору Аркадьевну, всем своим телом излучавшую запредельное негодование, и зашла в приемную.

– Иди, иди, – махнула ей торопливо рукой верная помощница Грановского Зинаида Осиповна, доброжелательно улыбаясь. – Ждет тебя.

Вот уж кого точно не проймут никакие актерские истерики и громыхания, так это Зинаиду Осиповну. Глаша кивнула, улыбнулась в ответ – очень уж ей нравилась и была невероятно интересна как личность, как типаж эта замечательная женщина.

– Проходи, Глафира, – встретил ее Грановский, величаво-неспешным жестом указав на кресло справа возле начальственного стола.

Театр – это организм, наполненный легендами, приметами, мистикой и неким неповторимым особым духом, непонятным и недоступным людям, существующим вне его пределов.

Всем в театре было давно известно: если Сам, приглашая к разговору, указывал рукой налево, на ряд стульев за длинным совещательным столом, торцом примыкавшим к большому начальственному, считай, что ты попал по полной, где-то конкретно налажав: непременно будут строгий нагоняй и разбор полетов, а то и серьезные последствия. А вот если «отец родной» пригласил в кресло с правой стороны стола, значит, будет хвалить, поощрять, может, и наградит, а то и вообще какую-нибудь чудесную перспективу предложит.

Ну а коль пригласит в одно из пары легких кресел возле чайного столика, значит, непременно будет наставлять на путь истинный, но мягко продавливая, увещевая, а то и просто поддержку выкажет, подбодрит, так сказать.

Прошла, села, положила тетрадь перед собой, сверху на нее смартфон, поерзала, устраиваясь поудобней в «поощрительном кресле».

– Надо понимать так, что разноса не ожидается? – прямо спросила Глаша, посмотрев на худрука.

– Господь с тобой, Глафира, – картинно взмахнул руками Грановский, который с самого первого прихода Глаши в театр придерживался правила: в присутствии других людей обращаться с ней исключительно на «вы» и по имени-отчеству, ну а наедине, как им обоим было привычно, в единственном числе. – То, что ты сделала, шедевр. Потрясающей мощи работа. Уникальная. Это будет

грандиозное открытие сезона, яркое, мощное. Притом что Пересветова – сейчас одна из модных режиссеров, любая работа которого под пристальным вниманием общественности. Мне ли роптать. Ну а что касается Элеоноры… – чуть замялся он, подбирая, видимо, слова.

– Я с самого начала понимала, что у нас с ней не получится взаимодействия. Но вы напирали на любовь зрителей, на то, что ее имя делает сборы, – воспользовавшись заминкой Грановского, высказала свое видение ситуации Глаша. – Не лукавьте, Тихон Анатольевич. В театре великолепная труппа. Люди идут и на Полонского, у него почитателей не меньше, чем у Туркаевой, и он офигенный артист. На Сомова и Алёнову. Тоже весьма фактурные, сильные, востребованные артисты. А Гусеву с Антоновым вообще обожают, они местные знаменитости, весьма неплохо отработали в социальной рекламе, которую постоянно крутят по федеральным каналам, что называется, «на глазах» у зрителей. Не оспариваю того факта, что Туркаева – это имя, звезда и, несомненно, талант. Но характер у нее дерьмо, а центропупие зашкаливает во вред работе. Она непозволительно для профессионала такого уровня, потакая своей прихоти и личному отношению, начала намеренно вредить работе. Писать безумные посты и выкладывать какой-то бред в соцсетях, заделавшись моим лютым хейтером, пока вы ее не приструнили. Мне-то глубоко пофиг, что и где она про меня несет, но это вредит делу. Артист, публично оскорбляющий режиссера, это уже жесткий моветон в театральной среде. Собственно, от ее ухода спектакль лишь приобретет: Гордеева подходит гораздо лучше на главную героиню фактурой и органикой. Не идеально, конечно, но все же лучше. Да и другим актерам в целом работать с Натальей гораздо комфортней: она одеяло на себя не перетягивает, авторитетом не давит, истерических сцен не закатывает. Честно и старательно работает в партнерстве.

– Да это-то понятно, – устало вздохнул худрук, но не преминул напомнить: – И все же Элеонора Аркадьевна наша прима, звезда. Имя. А что характер… Так у всех великих артисток характеры были далеко не сахар.

– Так то у великих, Тихон Анатольевич, – ровным тоном возразила Глафира. – А ваша на великую не тянет и уже не потянет никогда. Талант да, есть и фактура, и физические данные, и ремесленность на высшем уровне. Но гениальности, извините, той особой уникальной, штучной божественной одаренности нет. И вы это прекрасно понимаете.

– Охо-хо… – тяжко вздохнул Грановский с плохо скрываемой жалостью вперемешку с восхищением. – Вот всегда ты такая была, Глафира, даже в детстве и нежном отрочестве, прямолинейная. Задашь тебе вопрос и замираешь в испуге, не зная, что ребенок отчебучит. Такое могла ответить, что бывало совершено оконфузишься. Правду-матку выдавала – только держись!

– Каков спрос, таков и снос, – слегка пожала плечами Глафира и поспешила уточнить, пока разговор не съехал куда-нибудь в сторону воспоминаний: – Так что вы решили с Элеонорой Аркадьевной?

– Что я мог решить? – даже удивился Грановский. – Подтвердил твое распоряжение: с роли она снята, от работы над спектаклем отстранена.

– И как вы с ней управились? Они же изволили разгневаться? – полюбопытствовала Глафира.

– Сказал то же самое, что ты мне сейчас, – усмехнулся Тихон Антонович. – Что если в театре только одна звезда, то его можно смело, не колеблясь ни минуты, закрывать к такой-то бабушке – толку и дела не будет. Развалится. В театре оно ведь, как в природе, должно наличествовать, так сказать, необходимое разнообразие видов, иначе все погибнет. Объяснил, что она профукала свой шанс, потакая непомерному гонору, устроив пошлую свару с режиссером и меряясь авторитетом. Что спектакль выйдет обязательно с ней или без нее, теперь уже без нее, это понятно. Как и то, что твоя постановка прогремит в театральном сообществе, и мы выдвинем спектакль на «Золотую маску» – об этом уже идут переговоры. А она – дура.

– Смело, – иронично-уважительно протянула Глаша. – Особенно про «Золотую маску» и про прогремит. – И спросила сочувствующе: – Достанется вам дома-то?

– Да ладно, – весело отмахнулся Тихон Анатольевич, – и не такое переживали. Погремит, да успокоится. Я хоть и муж, но все же начальство. Не впервой.

Всем в театре было доподлинно известно, что Грановский потакал капризам и закидонам своей жены, но лишь до определенного предела, за которым начиналась «темная территория», куда та заходить опасалась, четко зная эти самые границы, за которыми заканчивалась снисходительность мужа и начиналась жесткая воля талантливого, мощного руководителя и удачливого

финансиста, способного в определенных обстоятельствах через многое и многих переступить.

Он был гениален во всем. Ведь бывших артистов не бывает, каким бы администратором ты ни заделался. Грановский был ярким острохарактерным актером, мастером виртуозной импровизации, с нереальной органикой. Он и сейчас баловал публику выходами на сцену, правда, увы, редкими, но зато какими! Зрители валом валили на спектакли с его участием, становившиеся событием, билеты раскупали на месяцы вперед.

– Жаль все же, – погрузившись в размышления о таланте великого артиста и перескочив по аналогии на Элеонору, поделилась Глаша, – что у нас не сложилось. Я ее в одной роли вижу, прямо идеально, вообще класс получился бы. – И словно вынырнула из мира своих грез-видений и усмехнулась, заметив неподдельный интерес, мгновенно загоревшийся в глазах Грановского. – Это так, мысли-наметки, чистая фантазия.

– Твои фантазии хорошо монетизируются, – усмехнулся в ответ Грановский и вздохнул: – А то, что у вас не сложилось с Элей, это закономерно. Я знал, что так будет, но, как и ты, надеялся на ее профессионализм, актерскую хватку и врожденное чутье к достойным ролям в выигрышных проектах. Но увы, не смогла она пересилить своей женской натуры. – И пояснил: – Красивая женщина, как известно, умирает дважды. Для красивых актрис это трагедия. Ей уж под пятьдесят, она, конечно, молодец, держит себя в великолепной форме, но возраст никто не отменял.

– Вы это к тому, что для нее я непозволительно молода, чтобы принять меня в качестве режиссера? – уточнила Глаша.

– Совершенно верно, – хмыкнув, подтвердил Грановский. – К тому же самый верный способ вызвать ненависть к себе – это стать успешной. А твой стремительный успех, столь внезапная популярность и востребованность, громкие проекты, в которых ты участвовала, не могут не вызывать у возрастных актрис неприязни в твой адрес. Тем паче у актрис губернских театров, так и не покоривших столицы.

– Да наплевать, – пожала плечами Глаша, – я не загоняюсь. Пусть хоть любят, хоть ненавидят – имеют полное право испытывать что угодно по отношению ко

мне, лишь бы работали по полной и выполняли поставленные задачи.

– Чаю хочешь? – по-отечески заботливо спросил Грановский, тем самым давая понять, что тема исчерпана и закрыта.

– Хочу! – с готовностью отозвалась Глаша. – А то перерыва осталось… – она посмотрела на часы на запястье, – десять минут, в буфете перекусить уже не успею.

– Сейчас организуем тебе перекусить, – пообещал Тихон Антонович и нажал кнопку связи на селекторе: – Зина Осиповна, сделай-ка нам с Глафирой Артемовной чайку своего фирменного. Ну и что-нибудь к нему.

– Несу! – задорно так, совсем по-девчоночьи весело отозвалась Зинаида Осиповна, очередной раз вызвав непроизвольное восхищение у Глаши. Фантастическая женщина!

Осокина работала помощницей Грановского еще в те времена, когда тот руководил небольшим театром-студией в Москве. Ну как руководил? Пытался всеми правдами-неправдами не дать пропасть актерам, которых он объединил в замечательный коллектив.

Двадцать пять лет назад, когда Грановского пригласили возглавить практически загибавшийся в те дикие разрушительные времена один из самых крупных театров Сибири, Зинаида Осиповна, не колеблясь ни минуты, отправилась вместе с ним. Настолько была преданна этому человеку как руководителю, как масштабной, большой личности.

Она знала все тайны Тихона Анатольевича, все его пристрастия, слабости, медицинские диагнозы и рекомендации докторов, его желания, житейские необходимости и потребности уж точно куда лучше, чем любая из его четырех жен – трех бывших и одной ныне действующей, не говоря о череде многочисленных любовниц.

Осокина обладала поразительной способностью, прямо-таки каким-то даром находиться в курсе всего, что происходило в театре, до мельчайших подробностей – от болезни дочки одного из работников сцены до перегоревших лампочек в женском туалете, про каждого работника и про все хозяйственно-

организационные проблемы и уж тем более про жизнь и дела артистов, их тайны и заботы.

Зинаида Осиповна окружила Грановского неусыпной материнской заботой, тщательно следя за его здоровьем, режимом, питанием, иногда так непочтительно выгоняя из-за стола пройтись по театру с начальственной инспекцией, чтобы не засиживался и побольше двигался.

По походке Тихона Анатольевича, по его приподнятой брови, мотивчику, что он насвистывал, по улыбке или ухмылке, по выражению лица, движениям и жестам она безошибочно предугадывала, как будет проходить и насколько затянется разговор с тем, кто являлся в его кабинет, и четко знала – вот как сейчас, к какому моменту приготовить чай с закусками или необходимые документы и все, что понадобится начальнику.

Глаша, обладавшая «особым глазом» (как называл это ее преподаватель по актерскому мастерству), примечавшая многие детали, нюансы, особенности в поведениях людей, собирая и складируя их в памяти, как в шкатулке с драгоценностями, восхищалась этой миниатюрной, всегда приветливой, улыбчивой, невероятно энергичной женщиной и частенько приходила к ней в приемную только ради того, чтобы пообщаться, попить ее чудесного фирменного чая, который та составляла из разных сортов с добавлением каких-то травок, да просто насладиться разговором с интересным, добрым человеком.

Открыв двери нараспашку, Зина Осиповна внесла в кабинет поднос, заставленный большим пузатым фарфоровым чайником и чайной парой на блюдцах к нему. Ловко выставила на стол перед Глафирой на специальные подставочки чайник, чашки, несколько небольших вазочек с джемами и медом.

И вышла. Вернулась с еще одним подносом, полным закусок. И лежали там на тарелочке потрясающие небольшие бутербродики, в которых все было «правильно» в рамках непрекращающейся борьбы за здоровье Тихона Анатольевича: «полезный» хлеб, свежие салатные листья, фермерские огурчики и фермерский же мягкий сыр. А на другой тарелочке не менее правильные небольшие пирожочки из «здоровой» муки, разумеется, без дрожжей и сахара, с овощными начинками. Вкусноты все было совершенно нереальной.

Грановский поблагодарил и, поднявшись из своего великолепного кресла, прошел и сел за стол напротив Глаши. На правах хозяина поухаживал, налив чаю в обе чашки, и пригласил:

– Угощайся.

И Глаша угостилась, положив себе на тарелочку всего и много, как сирота приютская, чудом попавшая на барское застолье и спешившая ухватить все и побыстрей, пока господа не опомнились и не погнали метлой поганой из-за стола.

И ну давай уплетать, не манерничая, паузы не выдерживая, мизинчик не оттопыривая, по-простецки за обе щеки, демонстрируя здоровый аппетит, без соблюдения всякого этикета, прихлебывая невероятно вкусный чай, да еще глаза от удовольствия прикрывая, только что не постанывая.

Вот как оголодала, успев с утра лишь йогурт на ходу торопливо выпить да чашку кофе в коротком перерыве между репетициями, который ей помощник режиссера Верочка принесла.

Грановский потягивал ароматный чайный напиток и задумчиво разглядывал Глафиру, получавшую откровенное удовольствие от угощения.

Она всегда была особенной девочкой. С младенчества. Удивительной, частенько ставящей в тупик своими прямолинейными заявлениями, а порой и просто конфузившей взрослых. А подростком поражала окружающих зрелостью ума. И наверняка столь необычный разум этой девочки, слишком ранняя житейская, непонятно откуда взявшаяся мудрость, а бывало, и почти пророческое предвидение той или иной ситуации пугали бы и отталкивали от нее большинство людей, если бы не ее необычайная привлекательность, ироничный склад мышления, острый юмор и легкость восприятия жизни.

Глаша не грузила людей своими размышлениями, заумничаньем, как перекормленный информацией «ботан», не поучала других по очень простой причине: она была самодостаточна с того самого нежного младенчества.

Девочку абсолютно не трогала проблема социализации в обществе ровесников и взрослых, необходимость всеми возможными способами занять и удерживать

достойную позицию в нем и совершенно не волновала проблема соответствия чьим-то чужим ожиданиям – то, через что мучительно, болезненно, в большинстве случаев с потерями и последствиями для психики проходило абсолютное большинство нормальных подростков.

А она вот не мучилась и не проходила.

В ней просто отсутствовала конфликтность с миром – она всегда находилась там, где хотела, занималась тем, что ей невероятно нравилось и к чему ее натура была расположена. И, не задаваясь мучительными вопросами – туда она двигается или не туда, правильный ли делает выбор или нет, – просто шла в том направлении, которое чувствовала правильным и увлекательным.

С детства Глаша обладала богатым внутренним миром, своим особым восприятием окружающих людей и действительности.

Будучи сам талантливым, а в некоторых своих работах и гениальным артистом и постановщиком, Грановский, присутствуя на премьере того нашумевшего спектакля, который поставила Глафира в одном из ведущих театров страны, был совершенно потрясен, испытав глубочайший душевный подъем, трепет до мурашек по коже, настолько его поразила работа этой девочки. Он не ожидал такой силы и мощи ее дарования.

И когда узнал, что Глафира приехала на родину к родным и вроде в данный момент не задействована ни в каком проекте, не сомневаясь и не задумываясь ни секунды, тут же предложил девушке поставить пьесу такого же молодого, как и она сама, но очень неординарного, талантливого, набирающего известность автора. И даже пообещал ей любой карт-бланш в работе, какой она ни попросит.

«Элеонора права, – усмехнулся про себя Грановский, наблюдая, как Глаша ест, самозабвенно отдаваясь процессу, жмурясь и едва ли не урча как кошка. – «Пигалица, малолетка, девчонка совсем, а туда же: рулить, режиссировать, актерами заслуженными управлять!»

И на самом деле пигалица. Фигура как у большинства современных девушек: невысокая, очень стройная, почти худосочная, тоненькие ручки-ножки, но достаточно полная грудь и торчащая попка. А так бы без этих «выдающихся»

достоинств прекрасной точеной фигурки ну дитё дитём, какие там тридцать лет! Ребенок! Широкие брюки непонятного кроя, футболка в обтяжку с принтом здания любимого театра, в котором началась ее карьера, спортивные легкие летние туфли, волосы, небрежно скрученные узлом почти на макушке, зафиксированные карандашом и шариковой ручкой вместо шпилек и заколок (видимо, мешали во время репетиции), и полное отсутствие макияжа.

И это режиссер?!

Режиссер – это умник, который все придумал. Это человек, который единственный знает и видит всю картину целиком, всю суть постановки, во всех мелочах, подробностях, красках, звуках и деталях, во всем объеме. Тот человек, который бесконечно ставит актеров в тупик, но понимает, что и, главное, как делать на сцене.

Мало того, режиссер – это личность особая, масштабная, объемная, человек, обладающий мощной внутренней силой, имеющий дар управлять людьми, подчинять их своей воле-идее, вести за собой, транслируя свой посыл, заражая своей увлечённостью.

Сам будучи гениальным актером и поставив не один десяток пьес, Грановский поражался этой девочке. Было в ней нечто глубинное, мощное, нечто, не поддающееся объяснению, на каком-то ином, не доступном большинству людей уровне, природный чистейший дар чувствования эстетики драматургии, главное – поразительное видение истинной, скрытой структуры художественного произведения.

«Нет, Элеонора все-таки дура непроходимая, – вздохнул про себя Грановский. – Вожжа у нее под мантию попала, понимаешь ли! И вроде бы умная, достаточно расчетливая стервь, своей выгоды никогда не упустит, а тут словно с цепи сорвалась. Приревновала она меня к Глаше, что ли? Вот не дура разве?»

Да хоть сто раз ты ревнуй и даже в постели застукай, но когда новомодный режиссер, восхваленный именитыми театральными критиками, ставит в твоем провинциальном театре пьесу, то все житейское барахло глубоко по боку, если ты на самом деле великая актриса, а не несушка тупая, – вцепиться зубами в роль и работать, работать как каторжная. Такой хайп, как говорит молодежь, ни за какие деньги не купишь! А она взбрыкнула на пустом месте. Вообще

непонятно, чего ее понесло?

Глафира звезду не подавляет, не унижает, с актерами всегда внимательна, со всеми по имени-отчеству, дистанцию держит, голоса вообще не повышает, если необходимо – сама по десять раз на сцену сбегает и покажет, как видит ту или иную мизансцену. Да, достаточно жесткая, требовательная, но без пустых наездов и уж тем более истерик.

Да ей и без надобности самоутверждаться, актеры и так безоговорочно ее слушают, как любимую воспитательницу младшая детсадовская группа. Есть в ней тихая сила, которая побуждает людей чувствовать, признавать ее авторитет и исполнять поставленную задачу. К тому же за время изоляции все откровенно истосковались по работе, да когда еще и будет такая постановка, настолько мощная, новаторская, яркая.

– Про меня думаете? – поинтересовалась Глафира, с довольным видом откидываясь на спинку кресла.

Грановский даже не стал спрашивать, как она догадалась.

Это Глафира, а с ней многое непонятно, необъяснимо.

– Гоняю, – позволив себе тяжкий вздох, подтвердил Тихон Анатольевич и деловито спросил: – Ну что, наелась-напилась?

– О, да-а-а… – сытенько протянула Глафира. – Огромное вам душевное мерси. Вкусно было необычайно.

– Зине Осиповне скажешь, – отмахнулся Грановский и оповестил, поднимаясь со стула: – С тобой пойду. Хочу посмотреть, как Гордеева войдет в работу.

– Здорово, – порадовалась Глафира.

Ну вот странная она все-таки… Любой другой режиссер на ее месте сразу же напрягся бы, расстроился, многие не любят показывать «сырую» работу, некоторые никого не разрешают пускать в зал во время репетиций. И уж тем более никто не любит, когда начальство приходит на инспекцию.

А эта…

– А мне нравится, – возразила Глафира, вновь словно прочитав его мысли – можете не хмыкать, Тихон Анатольевич. Посмотрите, вдруг что подскажете. Я все беру, что делу помогает.

– Ох, Глафира, Глафира, – вздохнув, безнадежно махнул он рукой.

– Знаю, знаю, странноватая я девица, вы говорили.

– Ладно, идем, странноватая ты наша, – добродушно произнес он.

– Тихон Анатольевич, тут Лена Земцова Глафиру Артемовну ждет, – сообщила Зинаида Осиповна без обычной своей задорности и улыбки.

А Глаша прямо почувствовала, как изменились невидимые вибрации вокруг, словно приемная наполнилась напряженным, насыщенным зарядом.

С присущим ей обостренным восприятием действительности она сразу же уловила, как совсем незаметно стороннему наблюдателю внутренне напрягся Тихон Анатольевич, как преобразилась его улыбка из искренней в показно-добродушную.

Да и верная помощница Грановского была несколько напряжена, хотя это и мало кто бы заметил.

Впрочем, это явно не ее дело и уж совершенно определенно ее не касается – в этом театре, как и в любом другом, имеются свои, сложившиеся годами устои, отношения, тайны, проблемы, какие-то местные реалии, интриги-дела, в которые она старалась не вникать.

– Глафира Артемовна. – Лена Земцова поднялась с диванчика в углу и шагнула навстречу к ним с Грановским.

А Глаша, глядя на нее, в очередной раз подумала: надо же, какая интересная у девушки внешность – практически идеально симметричное лицо, очень четкие, словно прорисованные гениальным художником черты и глаза такие глубокие,

непростые, что-то в них есть, в этих глазах. Вот сколько она встречалась с этой девушкой, столько и присматривалась, испытывая чисто профессиональный интерес.

Жаль, что она не актриса, было бы интересно посмотреть ее на сцене. Но Земцова служила главным костюмером театра и вполне замечательно справлялась со своими обязанностями.

– Я хотела уточнить, костюмы перешиваем на Гордееву или делаем для нее новые? – спросила Лена и, словно извиняясь, пояснила: – Новые можем не успеть за две недели.

Театр. Никуда не денешься. За пятнадцать минут, проведенные Глафирой в кабинете у худрука, уже все – от гардеробщицы тёти Люси до уборщицы Женечки, студентки третьего курса театрального училища, – знали, что Туркаева снята с роли, а вместо нее героиню будет играть Гордеева.

Любой значительный чих, не говоря про сплетню, разносится в театре, как горячий ветер по пустыне – «мановенно», как говаривал один ее знакомый.

– Перешивать, Леночка, – ответил за Глафиру Грановский, – и новые сделайте. Уж постарайтесь к премьере.

– Постараемся, – кивнула Земцова. – Но можем не успеть.

И атмосфера вроде бы разрядилась. Или Глаше почудилось что-то. Да и ладно. Заработалась, видимо, и Элеонора с ее воплями из колеи выбила.

– Полонский вывихнул ногу, – сообщила со смешком Зинаида Осиповна.

– Ещё чище! – патетически потряс руками Грановский и быстро уточнил: – Играть сможет?

– Да сможет, конечно, – веселым тоном заверила помощница, – не голову же свернул. К тому же актеры готовы из себя выпрыгнуть, только бы не вылететь из постановки. – И поторопилась договорить: – Стонет на диване в гримерной, ему там оказывают первую помощь.

– Как его угораздило-то? – проворчал Грановский, весь такой недовольный прошагав к выходу.

– Дурачились с Антоновым, читали диалог, взобравшись на стулья, с которого он потом неудачно спрыгнул, – отрапортовала Зинаида Осиповна, примирительно по-матерински заметив: – Все, как обычно: актеры – что дети малые.

– Идемте, Глафира Артемовна, посмотрим, какой ущерб нам и себе нанесли эти малые дети, – пригласил Грановский, распахивая дверь перед Глафирой.

– Ну идемте, – согласилась Глаша, прекрасно понимая, что, труппа, ясное дело, в курсе непроизводственной травмы главного героя и, вот сто пудов, ни один актер не дожидается добросовестно на сцене начала работы, а все толпятся у гримерки пострадавшего, тревожно посматривая по сторонам в ожидании прихода того, кто все уладит, разрулит и укажет, что делать дальше. Дети. Права Зинаида Осиповна.

Толпились, ясное дело. Кто-то резко выговаривал за глупость, кто-то острил, кто-то посмеивался, кто-то давал ценные советы под руку, все гомонили одновременно, как растревоженные пчелы в улье.

Но вот завидели вальяжно шествующего к собравшимся подчиненным Грановского, и словно всеобщий вздох облегчения прошелся по коридору.

– Ну что опять у вас приключилось, боже ты мой? – спросил и пожурил одновременно по-отцовски худрук, подходя к столпившимся.

Актеры расступились, освобождая пространство у распахнутых дверей. Личную гримерку по понятным причинам имела только Туркаева, остальные же артисты делили гримерки на двоих, а то и на троих. Полонский, например, соседствовал с Игорем Антоновым, который в данный момент, сидя на стуле перед диваном, старательно бинтовал «восьмеркой» щиколотку товарища.

– Да туже клади! – назидательно произнес кто-то из артистов из-за плеча Грановского. – Ты же не бинтуешь, а обвязываешь!

– Это вообще неправильно, – вставила явно волнующаяся Гордеева. – Надо эластичным бинтом фиксировать, простой стопу не держит.

– Где я тебе эластичный возьму? – огрызнулся Игорь.

– Федя! – позвал Грановский Золотова, не утрудившись повернуться к актерам, которые толпились за спиной.

– Я здесь, Тихон Анатольевич, – ЗэЗэ пролез между довольно плотно стоявшими актерами, словно уж меж камнями.

– Сходи к Элеоноре Аркадьевне, возьми у нее эластичный бинт. У нее точно есть, я знаю.

Да все знали, что у нее есть.

Спектакль, который ставила Глафира, был достаточно динамичным по своей драматургии, включал в себя довольно много пластики, движений, физической нагрузки. И Туркаева в профилактических целях фиксировала себе колени, а иногда и стопы эластичными бинтами с первого дня репетиций.

Знать-то знали, но сунуться сейчас к разгневанной приме никто не рискнул бы – ищите дураков! Пересветова, какой бы она новомодной и трендовой ни была, поставит спектакль и фюить! – улетит в свою Москву, только ее и видали, а Туркаева останется все в том же статусе ведущей актрисы и жены худрука, и попасть в ее немилость не приведи господь – жизни не будет, хоть увольняйся.

А так можно: не сам же просить пришел, напоминая таким образом про то, что она теперь не репетирует, потому что снята с роли, а по приказу руководства.

– Ага, – кивнул Золотов, разворачиваясь.

На сей раз актеры расступились, пропуская его. А чего не пропустить? Это же на выход, а не поближе к центру событий, к Грановскому с Пересветовой, решающим, что делать дальше.

Гримерка «несравненной», куда торопливо, но все же не бегом, направился Золотов, прости господи, Феодор, располагалась на этой же стороне коридора, но в самой его середине, через две двери.

– Лева! – загремел тем временем своим красивым, мощным, насыщенным баритоном Грановский, обращаясь к Полонскому. – Вот, какого хрена, скажи мне на милость, тебя понесло скакать со стульев козлом полугорным? Тебе на сцене прыжков и ужимок не хватает, акробат, ты наш неугомонный?

– Да, Тихон Анатолич, – повинился Полонский, чуть ли не слезу пуская. – Мы тут с Игорем… эм-м-м… – протянул он, спешно соображая, чтобы такого толкануть, – …попробовали усложнить задачу, поставленную режиссером. – Его совсем куда-то не туда понесло.

– Вам кажется, что надо бы усложнить? – преувеличенно заинтересованно переспросила Глафира. – Понаддать?

И посмотрела на него подчеркнуто вопросительно.

– Понаддавать, наверное, нет… все-таки не стоит… – понимая, что попал уже совсем конкретно, пытался отшутиться Лев Андреевич, – это уже как-то… – Он изобразил совершенно непонятные пассы руками.

– Акробатика, – подсказала ему Глаша, сохраняя абсолютную серьезность.

– Да! – наигранно произнес Полонский, кивая.

– Тихон Анатольевич, – неожиданно ухватив за локоть, осторожно окликнул Грановского Золотов. Выглядел он странно, словно был чем-то сильно напуган – бледный, с легкой испариной на лбу и каким-то диким взглядом. Незаметно оказавшись за спиной худрука, он произнес напряженным голосом: – Там Элеонора Аркадьевна… – и не договорил.

– В чем дело? – сведя брови, недовольно громыхнул Грановский.

– Она… – сбился Золотов и испуганно замолчал, лишь напустив большего тумана. – Вам надо к ней…

– Ну что там ещё? – возмутился Тихон Анатольевич, разворачиваясь и выходя из гримерки.

А Глаша вдруг ринулась за ним:

– Я с вами!

– Глаш, – чуть скривившись, тихо, так, чтобы слышала только она, напомнил Грановский, – это не лучшая идея, ты ж для Элеоноры раздражающий фактор, повод для скандала.

– Я с вами, – твердо повторила Глафира.

И, обогнув его, решительно и бесповоротно двинулась вперед, обрывая тем самым любые возражения.

Грановский только вздохнул тяжело, бессильно пожав плечами. Мол, хочешь – иди, дело твоё, сама понимаешь, что из этого получится.

А вот Золотов за ними не пошёл, оставшись в толпе притихших артистов, которые с тревогой смотрели вслед удаляющемуся худруку. Самые ушлые и сообразительные уже дергали ЗэЗэ за рукав, торопливым шепотом выспрашивая: «Что там, Федь?», кто-то выдвигал предположения, но большинство еще не сообразили, что происходят какие-то новые непонятки, связанные с Туркаевой.

– Да что у вас там? – кричал из гримерки Полонский, не имея возможности выскочить и разузнать все самому.

Не останавливаясь и не дожидаясь Грановского, Глафира первой решительно вошла в гримерку к Туркаевой и…

И все поняла сразу.

Вернее, не так – поняла даже раньше, чем увидела.

Элеонора Аркадьевна лежала на диване в неэстетичной, неприличной позе: босая правая нога спущена на пол, вторая, согнутая в колене, расслабленно-бессильно опиралась на спинку дивана; юбка была задрана до талии, открывая взору поблескивающие великолепной кремовой кожей идеальные спортивные бедра и скрутившиеся на одну сторону алые шёлковые трусики-шортики, прикрывающие интимную часть тела; правая рука безвольно свешивалась с края дивана. Всклокоченные, спутанные волосы, искаженные черты: закрытые глаза, неестественно приоткрытый рот, словно застывший в так и не вырвавшемся крике, и поразительное выражение отступающей муки, уже безразличного ко всему в этом мире человека.

Она была почти идеально красива и странно притягательна в этот момент, как может быть отталкивающим, ужасным и в то же время красивым и пугающе притягательным нечто недоступное, непостижимое, уже не принадлежащее этому миру.

Она была почти красивой. И абсолютно мертвой.

– Да что там такое, Глафира? Что ты застыла на пороге? – в совершеннейшем раздражении, легонько подталкивая ее рукой в спину, прогрохотал своим неподражаемым баритоном Тихон Анатольевич.

Глафира сделала пару шагов вперед, пропуская Грановского, но как только тот вошел в комнату, ухватила за руку останавливая:

– Не подходите к ней, Тихон Анатольевич!

– Да что с тобой, Глафира? – Громко негодуя, он внимательно всмотрелся в ее лицо настороженно-изучающим взглядом.

Она не ответила.

Он определил по выражению ее лица, что случилось что-то непоправимо ужасное, и что-то изменилось в нем, словно накрывая незримым облаком беды. И, чуть помедлив, не сразу решаясь, Грановский медленно оторвал взгляд от лица девушки, повернулся и посмотрел на жену, лежащую на диване в некрасивой позе, и громко, требовательно спросил, не сумев осознать, осмыслить до конца то, что увидел:

– Эля, что с тобой?

Бросив на пол свой режиссерский «талмуд», Глафира ухватила его и второй рукой за рукав пиджака и произнесла, четко выговаривая каждое слово:

– Она не может ответить, Тихон Анатольевич.

– Отпусти меня! – Тот раздраженно попытался скинуть руки Глафиры, но она не отпустила и смогла удержать их каким-то немыслимым усилием, когда Грановский дернулся было всем своим мощным телом вперед, снова окликая жену: – Эля? Элеонора!

– Тихон Анатольевич, ее нельзя трогать! – пыталась достучаться до его сознания Глафира.

– Да оставь ты меня! – Перехватив ее руки, худрук сильным рывком отодвинул девушку от себя. – Ты что, не видишь? Эле плохо! Ей нужна помощь!

– Тихон Анатольевич! – особенным, глубоким, властным тоном, именно тем, которым умела захватывать внимание людей, произнесла с нажимом Глафира, снова ухватив его на этот раз за лацканы пиджака, и, придвинувшись ближе, заглянула прямо в глаза. – Ее. Нельзя. Трогать, – выделяя нажимом каждое слово, медленно, тяжеловесно произнесла она и добавила чуть тише, ужасно сочувствуя этому большому, сильному мужику: – И помочь ей уже нельзя.

– Почему? – неожиданно севшим голосом спросил он, как-то вдруг растерявшись, потускнев, словно сдулся и постарел в один момент.

– Она умерла, – продолжая удерживать его взгляд, объяснила Глафира.

– Откуда ты знаешь? – не принял ее объяснений Грановский. – Надо немедленно проверить пульс, дыхание! Ей просто плохо! Может, что-то с сердцем! Ты что, не видишь, что ей плохо? Надо вызвать «Скорую»!

– Давайте я проверю, – предложила Глафира и, торопясь успокоить, заверила: – Я умею, я специальные курсы закончила по оказанию первой помощи. – И повторила, уговаривая, как ребенка: – Вы постойте здесь, а я проверю. Ладно?

– Проверь, – кивнул, соглашаясь, Тихон Анатольевич.

– Постойте тут, – повторила Глаша.

Он кивнул.

Внимательно посмотрев в его лицо и уловив перемену в нем, Глаша отпустила лацканы пиджака, разгладила их ладошками, повернулась, быстро прошла к дивану и наклонилась над распростертой женщиной. Пульс она, конечно, попыталась нащупать и на руке, и на сонной артерии, и дыхание проверила, подержав ладонь возле носа, отчетливо понимая всю безнадежность этих действий, но ради Грановского это надо было сделать и именно так.

Без всяких сомнений, со всей определенной очевидностью Элеонора Аркадьевна Туркаева была мертва, и ее красивое, холеное, вылепленное бесконечными тренировками и косметологическими процедурами спортивное тело остывало.

Глубоко вздохнув, Глафира выпрямилась.

– Что с ней? – все еще с последней, мизерной надеждой, но все же уже начиная осознавать реальность, спросил Грановский.

– Она умерла, Тихон Анатольевич, – повернулась к нему Глафира.

Он смотрел на девушку и каменел лицом, на котором, казалось, остались живыми лишь глаза. Так и стояли несколько мгновений, молча глядя друг на друга.

– Поправь ей подол, – громко приказал он резким тоном.

– Нельзя, – медленно покрутила головой Глаша.

– Что значит нельзя?! – взорвался он негодованием. – Это некрасиво, неприлично, она не должна такая лежать! – объяснял он очевидные ему вещи. – Она красавица, актриса, нельзя лишать ее достоинства!

– Она его и не потеряет. Никто и никогда не сможет лишить ее достоинства, – произнесла Глафира другим, своим особым тембром, каким говорила только с близкими людьми, когда разъясняла свою точку зрения: четко, ровно, но при этом очень сердечно. – Но сейчас ничего нельзя трогать до приезда полиции, Тихон Анатольевич.

– Да почему?! – рассердился он и, выйдя из ступора, ринулся к жене, пытаясь отодвинуть с дороги Глашу.

– Потому что ее убили! – упершись руками ему в грудь, напрягаясь всем телом, прокричала Глафира, останавливая мужчину.

– Что ты такое говоришь? – обескураженный, шокированный ее заявлением, возмутился Грановский. – Что значит – убили? – и повысил голос, отчитывая: – Что ты несешь, Глафира? Ты в своем уме?!

– Смотрите, – принялась объяснять Глаша, повернувшись к дивану и указывая пальцем на тело, но продолжая упираться плечом. – Она сопротивлялась, боролась с кем-то, сильно боролась, до последнего, поэтому так и выглядит, и вон подушка на полу. Это же ее подушка, на которой она обычно лежала, когда отдыхала. Ковер сдвинут – это убийца упирался ногами, ваза со столика упала, разбилась, потому что, видимо, в борьбе его задели, цветы, вода на полу. – И снова повернулась к нему, положив руки на помятые пиджачные лацканы и заглянув прямо в глаза. – Ее кто-то убил, Тихон Анатольевич. – И уже не повышая голоса, скорее уговаривая, добавила: – Надо вызывать полицию.

– Это ерунда какая-то, Глафира, – покачал он головой, отказываясь принимать ее объяснения, ее спокойный уговаривающий тон. – Кто мог ее убить? Зачем? Кому это понадобилось? Это глупость какая-то несусветная. Что ты придумала?

– Кто угодно, – твердо произнесла Глаша самое страшное и повторила с нажимом: – Ее мог убить кто угодно, Тихон Анатольевич. В том-то и дело. – И вздохнула тягостно: – Надо вызывать полицию. И трогать здесь ничего нельзя до их приезда.

– Да – Грановский вдруг в один момент перестал возражать, спорить, сопротивляться очевидности, которую не хотел, не мог принять до этого.

Прикрыл глаза ладонью, провел рукой по лицу, задержал дыхание, резко выдохнул и, посмотрев на Глафиру больным, мучительным и растерянным взглядом, произнес, словно уговаривал скорее себя, чем ее:

– Я должен к ней подойти.

– Да, – кивнула Глаша, почувствовав, что теперь можно, и отступила в сторону.

Он подошел к дивану, большой, грузный, а не величественно-мощный, придавленный обрушившейся бедой, и выглядел в тот момент на все свои прожитые годы. Постоял несколько секунд, рассматривая лицо жены, словно не решался дотронуться, а потом наклонился, осторожно положил свою большую, тяжелую ладонь на ее щеку, замер на несколько мгновений и резко выпрямился.

Закрыл глаза, придавил веки двумя пальцами, пытаясь остановить слезы, и произнес глухо:

– Эля… Элечка, ну как же так? – И повторил почти со стоном: – Ну как же ты так, Элечка?

Глафира шагнула к нему, коснулась рукой его руки, чувствуя, что сейчас это самое правильное, что она может сделать для этого человека, и тихо произнесла:

– Она не виновата, Тихон Анатольевич.

– Да, – кивнул он, соглашаясь.

– Надо звонить в полицию, – в который раз повторила Глафира, стараясь как-то переключить его внимание на дело, и даже достала смартфон из кармана брюк. – И надо людям сообщить.

– Да, – снова повторил Грановский. И, посмотрев на жену, громко выдохнул, резким движением стер с щеки все же вырвавшуюся слезинку тыльной стороной ладони и распорядился: – Давай, Глаша, позвони в полицию, объясни все. А я поговорю с людьми.

Втянул глубоко воздух, задержал дыхание, резко выдохнул и в пару секунд стал тем, кем и был – руководителем театра, значимой, известной всей стране личностью, величественным, уверенным в себе человеком, немного барином, грамотным финансистом, «отцом родным» и прочая, прочая, включая многочисленные регалии, достижения и награды.

И Глафира, наблюдая эту перемену, происходившую у нее на глазах, со всей ясной отчетливостью поняла, что в свою привычную ипостась этот неординарный человек вернулся потому, что сейчас он откроет дверь и выйдет, как на сцену, к растревоженным, растерянным актерам и будет играть свою роль.

– Вечернюю репетицию придется отменять, – внезапно вспомнил Грановский.

Точно! Еще и эта напасть!

Понятное дело, что театр начинает свою работу, стараясь войти в обычный режим, и актеры после длительного простоя заново репетируют любимые публикой спектакли. Тихон Анатольевич лично проводил вечерние репетиции, так что работала практически вся труппа, готовясь к открытию. Но «Саломея» была поставлена конкретно для Туркаевой, под нее и для нее, практически бенефисный спектакль, и, разумеется, никакой замены и второго состава не предусматривалось.

Тихон Анатольевич даже глаза прикрыл, видимо, только в этот момент до конца осознав весь масштаб случившейся беды. Резко выдохнул, огласив решение:

– Сам сообщу труппе трагическую новость.

Глафира кивнула для проформы и набрала номер экстренного вызова. Представилась, когда ответил оператор, объяснила ситуацию, выслушала ответ и нажала отбой.

– Сказали никого не пускать к месту происшествия. Наверное, мне придется постоять у дверей.

– Зачем? – не понял Грановский. – Кто-нибудь из артистов постоит.

– Любой из них, – со всей осторожной мягкостью напомнила Глаша, – может быть тем, кто ее убил.

Грановский посмотрел на нее долгим, почти неприязненным взглядом, напряженно о чем-то размышляя, и возразил с нажимом:

– Это мог быть совершенно посторонний человек.

– Да, – не стала спорить Глаша. – Зайти могли с улицы, хотя входы и охраняются, но не самым тщательным образом. Мы же не режимный объект. – И повторила для его успокоения: – Да, в театр могли попасть посторонние люди. А если кто замыслил убийство, то и проникнуть сюда ему труда не составило.

– Не будем гадать, – отрезал Грановский и попросил: – Действительно, Глаша, постой у дверей, а то артисты, Зина права, как дети малые, не переборют любопытства, заглянут, что-нибудь потрогают. Еще, не дай бог, снимут на телефон да в Сеть выложат. – И, успокоив такими размышлениями самого себя, повторил: – Да, постой, дождись полицию. – И кинув последний взгляд на тело жены, выдохнул скорбно, расправил плечи и скорее не спросил, а распорядился: – Ну что, пойдем?

Глафира кивнула, но торопиться не стала: подняла с пола свою тетрадь, пристроила сверху нее смартфон и привычно прижала все к боку, обвела взглядом всю комнату, заинтересовалась чем-то на гримерном столике, подошла, рассмотрела внимательно.

– Что ты там нашла? – напряженно спросил Грановский.

– Да так, кое-что интересное, – и решительно выдохнула: – Идемте, Тихон Анатольевич.

И, посмотрев друг на друга в знак поддержки перед решительным шагом, вышли из гримуборной к ожидавшим их перед дверью артистам. Даже травмированный Полонский пришел, хоть и стоял на здоровой ноге, оберегая поврежденную с замотанной лодыжкой.

Полиция приехала очень быстро, буквально через десять минут, что немудрено – здание театра располагалось в самом центре города, а центральное управление полиции, под юрисдикцию которого территориально попадал театр, в двух кварталах от него.

Понаехавших представителей власти, с точки зрения Глафиры, было как-то слишком много. Хотя оно и понятно – происшествие не рядовое, можно сказать краевого масштаба. Начальство небось уже всех успело построить и пожелать чего недоброго, если затянут с раскрытием преступления. Но то, что они сделают это по горячим следам, Глафира как-то сильно сомневалась. Но посмотрим.

Первым делом представители закона закрыли все выходы театра и приступили к следственным действиям.

Грановский руководил встревоженным коллективом, общался со старшими чинами, помогал в организации следственных мероприятий. Скорбел, был бледен, не гремел привычно своим шикарным голосом, но оставался предельно собран и спокоен.

Глафира, ответив на несколько предварительных вопросов, ушла к себе в кабинет ожидать более подробного допроса под протокол.

Она успела несколько минут посидеть в тишине, закрыв глаза и откинувшись на спинку небольшого, но очень уютного диванчика, позвонила домой, выслушав рассказ, как там у них дела, предупредила, что может задержаться, и уговорила себя подняться с дивана.

Надо взбодриться, этот бесконечный, затянувшийся событиями день еще не закончился, и непонятно, какие неприятности можно ожидать.

Так, взбодриться – значит, кофе! Навороченную дорогущую кофе-машину, мощную кофемолку и приличный запас настоящего «Спешиалити» приобрел и распорядился установить в ее кабинете Андрей, как только она приняла предложение Грановского и подписала контракт.

Зная пристрастие Глафиры к кофе, позаботился, чтобы она не пила всякую непонятную субстанцию из буфета или того хлеще – из какого-нибудь

ближайшего кафе в бумажном стаканчике. Полагалась еще и еженедельная доставка бутилированной воды определенной марки, чтобы, не приведи господь, Глафира не начала заваривать кофе водой из-под крана, с нее станется. Да и привыкла Глаша пить много воды, вот и носила ее с собой постоянно.

Был еще у нее красный мини-холодильник. Идея состояла в том, чтобы Глаша привозила из дома еду и питалась домашним. Ага. Тот случай.

И диванчик удобный тоже Андрюха «подогнал», чтобы в перерывах отдыхала нормально. А вот с этим он точно прогадал. Стоило Глафире удалиться в свой кабинет, объявив перерыв, как тут же начинали подтягиваться «ходоки». Понятное дело, про то, что Пересветова варит совершенно охренительный кофе, запах которого расползается по коридорам, знали все с первой же приготовленной ею чашки.

И началось… То кто-то из актеров непременно заявится, под предлогом возникших по роли вопросов, то главный художник, то декоратор, или Верочка и второй помощник режиссера, да и Грановский заглядывал, и даже Зина Осиповна прибегала на несколько минуток отключиться от дел и выпить кофейку.

Не говоря уж про те часы, которые Глафира с коллективом проводили за мозговым штурмом над постановкой, когда в кабинет набивалось, бывало, человек по пятнадцать.

Машина гудела, не переставая, и никакого покоя Глафире не было и в помине, кроме тех моментов, когда она пребывала в сильном раздражении и прямым текстом посылала всех подальше. Правда, редко, но бывало.

Машина мелодично-приятно блимкнула, оповещая, что программа закончена – получите ваш напиток, и одновременно с этим раздался стук в дверь.

– Входи, Юр! – отозвалась Глаша.

– Откуда знаешь, что это я? – спросил вошедший молодой человек.

– Ну а кто еще? – Поставив чашку на блюдце, Глафира повернулась к нему и улыбнулась. – Все театральные по норкам сидят, ждут допроса…

– Снятие показаний, – поправил он.

– Одна хрень, – отмахнулась Глаша.

– Ну что, Пересветова, – радостно заулыбался мужчина, – обниматься-целоваться будем?

– Воздержимся, пожалуй, – легко рассмеялась в ответ Глафира. – Коронавирус все еще бродит по стране, а у меня дети.

– Какие дети, Глашуня? – искренне удивился Юра.

– Ну какие? Обыкновенные. – И спросила, переводя тему: – Кофе будешь?

– Задавать такие вопросы замученному работой оперу негуманно, Пересветова.

– Располагайся, – пригласила Глаша, кивком указав на диванчик.

Он с тем особым, отпускающим внутреннее напряжение удовольствием набегавшегося за день уставшего человека расслабленно плюхнулся на диван, кинул рядом с собой кожаную папку для бумаг, и Глаша поставила перед ним на журнальный столик чашку с кофе.

– Ты спрашиваешь, как я угадала, что это ты? – спросила Глаша. – Прийти ко мне мог только полицейский, для того чтобы провести допрос.

– Снять показания, – снова поправил он ее.

– Пусть будет так, – кивнула Глаша. – А поскольку ты оказался среди понаехавших полицейских чинов, то логично было предположить, что снимать эти самые показания пришлют именно тебя. Для налаживания, так сказать, дружеского контакта с целью добычи ценной информации, которую я тебе могу выложить по дружбе.

– Вот всегда ты, Глафира, такая была умная. Прямо провидица! – не то похвалил, не то поставил в укор Юрий и сделал большой глоток кофе. – Ум-м-м… – протянул он с блаженством, – …какой кайф. Хорошо живут представители богемы. – И жалобно спросил сиротливым тоном: – Слушай, Пересветова, а пожрать у тебя ничего нет? А то я с утра не евши, только наладился было перекусить, а тут вызов на ваш труп.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – пообещала Глафира и, взяв смартфон, набрала номер. – Верочка, вы не могли бы мне помочь? Спасибо. Могли бы вы принести в мой кабинет из буфета, что у них там есть съедобное? Да? Как удачно, – порадовалась она, услышав в ответ, что помощница в данный момент находится именно в буфете, и обратилась к Юрию: – Тебе что? Бутерброды, пирожки или яичницу с колбасой?

– Бутерброды, пирожки, яичницу с колбасой, – перечислил с самым серьезным видом Юрий.

– Верочка, берем все из расчета на одного сильно голодного мужчину. Заранее благодарю.

И, убрав смартфон в карман, вернулась к кофе-машине, заново налаживая процесс.

Юра Лепин, капитан полиции, оперативник уголовного розыска центрального краевого управления, был одноклассником Глафиры, не сказать, чтобы другом закадычным, но и не просто приятелем, отношения они всегда поддерживали теплые, дружественные.

Глафира сделала себе маленькую чашечку эспрессо, поставила на блюдечко, прошла к столику и села на мягкий пуфик напротив Лепина.

– Кофе – зашибись! – еще раз похвалил Юрий, допив последний глоток из чашки.

– Я тебе еще сделаю, когда Верочка принесет перекус. – Глафира глотнула, поставила чашечку назад на блюдце и предложила: – Ну, начинай, задавай свои вопросы.

– Тогда с самого главного, – посмотрел на нее Лепин. – Все свидетели рассказывают о существовавшем конфликте между убитой и тобой и утверждают, что ваше противостояние началось, как только ты появилась в театре, но до поры до времени сильно не обострялось. Она в сетях повыступала в твой адрес, но быстро оставила это дело и даже извинилась, правда, не лично, а в тех же сетях. Однако именно сегодня между вами произошел какой-то грандиозный, оглушительный скандал, закончившийся тем, что ты сняла Туркаеву с роли и та открыто, при всех угрожала тебе расправой.

– Да какой расправой, – чуть скривившись, пренебрежительно отмахнулась Глаша. – Игра на публику в чистом виде, ну и душу отводила, накипело у нее. А что касается конфликта… – Она задумалась, сделала пару глотков кофе. – Как бы поточней объяснить…

– Объясни как есть, а я, если мне будет что-то непонятно, по ходу уточню, – предложил Юра.

– Как есть, – повторила Глаша задумчиво. – Как такового конфликта между нами не было, я требовала от нее только одного: работать с полной отдачей, а уж как она ко мне относится, это ее личные проблемы, главное, чтобы чувства и непродуктивные эмоции не мешали делу. Она поначалу придерживала всю свою нелюбовь и все претензии в мой адрес, но когда я стала параллельно работать с Натальей Гордеевой, Элеонору просто понесло. Понимаешь…

– Глафира Артемовна! – донесся из-за двери достаточно громкий оклик. – У меня руки заняты, не могу постучать.

Глаша легко поднялась, поспешив открыть дверь, за которой стояла Верочка с подносом в руках, заставленным тарелками с едой.

– О-о-о! – обрадовался Юрий. – Какая красота!

Дружелюбно улыбнувшись и стрельнув любопытным взглядом на симпатичного капитана, Верочка шустренько выставила перед ним на стол тарелочки с пирожками и бутербродами, с яичницей и овощным салатиком.

– Поднос я оставлю, – еще разок кинув короткий заинтересованный взгляд на Лепина, предложила помощница, – чтобы удобней было. Я потом сама все

отнесу.

– Спасибо, Верочка, – поблагодарила Глафира с легким начальственным нажимом, подразумевавшим, что девушке пора.

Для Глафиры был специально открыт отдельный счет в буфете, который она гасила раз в неделю, очень удобно, особенно вот в такие моменты, когда приходилось просить кого-нибудь, чаще всех Верочку, принести перекусить – не нужно доставать кошелек, отсчитывать купюры с мелочью, что определенно сокращало дистанцию с подчиненными подсознательным «ты – мне, я – тебе», что Глаше было совершенно ни к чему.

Верочка ушла, а Глафира в третий раз отправилась варить кофе, усмехнувшись, заметив, как Юра просительно покосился на кофе-машину.

Кофе она сделала и ему, и себе.

– Ты давай, рассказывай, Глаш, – сказал Лепин, что-то старательно пережевывая. – Мне еда слушать и думать не мешает. Иногда даже наоборот. И лучше рассказывай с самого начала.

– С начала чего? – усмехнулась Глафира.

– С начала всего. – Лепин вдруг перестал улыбаться и посмотрел на нее неожиданно острым, внимательным взглядом.

– Тогда, наверное, лучше начать с предыстории, – задумалась Глаша.

– Во-во, с нее и начинай, – посоветовал Юра, возвращаясь к легкому дружескому тону, словно и не было того мимолетно-сосредоточенного особого взгляда – простой дружеский разговор. И, достав из папочки блокнот с ручкой, он положил их на столик.

«Как-то это у него легко и стремительно получилось поменять тон, взгляд, наверное, он хороший полицейский, даже талантливый», – мимолетно подумалось Глаше.

– Ну что ж, – легонько вздохнула она, смиряясь с необходимостью подробного экскурса в прошлое. – Ты в курсе, что мы с Катюхой дружим с детского сада.

– Да уж, две подружки-веселушки не разлей вода. Десять лет за одной партой, – хмыкнул Юрий.

– Это точно: не разлей, – усмехнулась Глаша. – И то, что Катерина – единственная дочь Грановского, ты, разумеется, тоже знаешь. А Полина Олеговна, мама Кати, была второй женой Тихона Анатольевича, которая оставила Москву, родителей, друзей и с маленькой дочкой уехала вместе с ним сюда, в Сибирь, когда его назначили художественным руководителем этого театра. Лет через пять Тихон Анатольевич ушел из семьи к артистке Федотовой, она тогда была ведущей актрисой театра. Но что-то у них не заладилось, и через год Федотова уехала в Питер, в БДТ, потом она перешла в какой-то другой театр, но не суть. После нее он жил гражданским браком с телеведущей местного канала, у которой какой-то там крутой папа имелся, – Благонцевой Оксаной, и длилось это целых семь лет. Доподлинно не известно, какие именно шаги предприняла Элеонора Аркадьевна для завоевания худрука, но то, что она старалась изо всех возможных сил, не гнушаясь никакими методами, и отбила-таки Грановского у Благонцевой, известно всему городу.

– Где теперь эта Федотова? – Юра что-то быстро и коротко записал в блокнот.

– Не знаю. Спроси у Зинаиды Осиповны, она может знать.

– Угу-м, – кивнул Юра, с поразительной быстротой справляясь с яичницей.

– Катюшку Тихон Анатольевич очень любит, всегда был и остается для нее прекрасным отцом, никогда не бросал, не забывал, принимал активное участие в их с мамой жизни, щедро помогал и даже баловал. И это обстоятельство просто до невозможности нервировало Элеонору, но ей приходилось мириться с присутствием в его жизни бывшей жены и дочери.

– Как и с его любовницами, – продолжил Лепин ее мысль.

– Извини, Юр, но по этим вопросам не ко мне, – строго сказала Глаша. – Уверена: добровольцев донести до органов все театральные сплетни и мезальянсы у вас будет в избытке. Я личную жизнь других людей не обсуждаю.

– Да, помню эту твою особенность, – хмыкнул Юрий, – такая странная на всю голову девочка-подросток, которая не принимала участие ни в каких сплетнях-пересудах и не примыкала ни к каким группировкам. – И сам себя одернул: – Ладно, не о былом сейчас. Давай дальше.

– Дальше, – повторила Глафира. – Единственное, что примиряло хоть немного Элеонору с существованием Кати и ее мамы в жизни мужа, это то, что Полина Олеговна не стала ее конкуренткой на сцене. И хоть и была очень неплохой актрисой и здорово играла, но после развода оставила актерскую профессию, и Тихон Анатольевич через свои связи устроил ее в отдел культуры в администрации губернатора. Сейчас она занимает один из руководящих постов в краевом министерстве культуры. И второе, что более чем устраивало Туркаеву, это то, что Катерина не имела никакого таланта, расположенности и тяги к актерству, а с самого детства интересовалась только точными науками.

– Слушай, – вспомнил Лепин, – ты ведь играла здесь на сцене, еще учась в школе.

– Во-о-от, – протянула Глаша, подняв указательный палец. – Мы же с Катькой торчали в театре часами. Когда тетя Поля была занята и некуда было деть Катю, то мы шли сюда. Это ж почти второй дом для нас. Здесь мы и уроки делали, и зависали, облазив весь театр от подвала до потолка, а Зина Осиповна за нами строго следила, проверяла домашку и постоянно подкармливала. Однажды Тихон Анатольевич ставил спектакль, в котором имелась роль девочки лет восьми-девяти. Вместо того чтобы проводить бесконечные кастинги, он пошел простым человеческим путем: Катьку даже пробовать не стал, трезво оценивая способности дочери к актерству, к тому же Катюха тогда уже была статной, крупной. И он решил посмотреть меня. Больше никого искать не пришлось. И хоть мне было десять, но я же мелкая всегда была, вполне подошла на роль и целый год отыграла в спектакле дочь главной героини, которую, между прочим, играла Туркаева.

– Я помню. Ты нам отрывки из спектакля показывала по просьбе завуча, – заулыбался Юра, признаваясь. – Я не все понял, но мне понравилось. И играла ты классно.

– То есть представляешь степень нашего с Элеонорой знакомства? Во-о-от. Я стала ходить в студию актерского мастерства при театре, иногда меня

задействовали в небольших совсем ролях, в основном без слов, в статистических проходах. А потом мы с Катюхой уехали учиться в Москву: я в ГИТИС, она – в свою обожаемую Бауманку. На третьем курсе меня совершенно неожиданным, каким-то чудесным образом взял в свой фильм, в полный метр, Илья Карагозов.

– «Зыбь»? – уточнил Юрий.

– «Зыбь», – подтвердила Глаша.

– Я смотрел, – признался Лепин, неожиданно подался вперед и, наклонившись через стол, поделился: – Это же смотреть было невозможно, Глашка, как ты играла. Я вспомнил всю свою подростковую херню, через которую проходил, ведь чего только не бывало… А тут ты, вернее, Инна эта твоя. Я, наверное, сутки как не свой ходил, после того как посмотрел, все вспоминал. Честно. Охренительно ты ее сыграла. – И повторил прочувствованно: – Охренительно. Наверно, так даже нельзя играть, Глаш, слишком это… сильно, что ли, натурально.

– Спасибо, Юр, – поблагодарила Глафира. – Спасибо. Так вот… – выдохнула она, – на предпремьерном показе «Зыби» присутствовал Тихон Анатольевич с Элеонорой. Катюшка рассказывала, что после показа Туркаева устроила мужу полный разнос, начав отчитывать прямо в зрительном зале. Дело в том, что в девяностых Карагозов работал под управлением Грановского в его театре-студии и именно оттуда и благодаря Тихону Анатольевичу начал свою карьеру, став сейчас культовым, известным режиссером. Элеонора неоднократно просила мужа протежировать ее на работу к Карагозову, и не только к нему. Грановский же маститый, заслуженный во всех отношениях деятель, у него друзья и связи на самом верху.

– А он что – не помогал? Не проталкивал? – удивился Лепин.

Он покончил с последним пирожком и, сложив стопочкой тарелки, отодвинул их на край стола, по-простецки ладонью смахнул несуществующие крошки и положил перед собой блокнот с ручкой. Глафира посмотрела на него, чуть прищурившись и сосредоточенно прокручивая в голове мысли-воспоминания, и спросила:

– Кофе еще будешь?

– Обязательно, – уверил ее Юра.

Она поднялась, прошла к столику у окна, заправила кофе-машину сразу на две порции, включила и посмотрела задумчивым, невидящим взглядом за окно. Аппарат приятно блимкнул, оповещая о завершении процесса, Глаша переставила чашечки на блюдца, вернулась к столу.

– Понимаешь, – продолжила она, тут же позабыв про свой кофе, – как любая эгоцентричная личность, сосредоточенная только на себе, Элеонора не понимала до конца уровень дарования этих мужчин, не позволявший им в своем творчестве, в своей работе допускать халтуры. Они не признавали чего-то навязанного извне, того, что не совпадало бы с их видением картины, с их настройками, какие бы невероятные дивиденды этот компромисс им ни сулил. И если актриса, будь она там… хоть голливудская звезда первой величины, не подходила его восприятию и видению, он ни за что не брал ее в свой проект. Нет, безусловно, эти господа могут и коммерческий проект снять за хорошую прибыль и очень даже умеют зарабатывать и считать деньги. Но их уровень дает им большую степень свободы даже в коммерческом проекте. В частности, в выборе актеров. Я сильно сомневаюсь, что Грановский вообще просил кого-нибудь снять жену в картинах. Ну а когда «Зыбь» получила несколько наград на «Золотом орле», и я в том числе за роль второго плана, у нее истерика случилась, Зина Осиповна рассказывала. А потом я снялась в сериале у Павлова.

– «Скорость потока», – кивнул Лепин. – Смотрел. Мне понравилось. Я давно хотел тебе сказать, Глаш, ты очень крутая актриса. Я тебя даже не сразу узнал, ты там совсем другая. Ни на себя, ни на эту Инну из «Зыби» ни разу не похожа. Но очень круто. Даже с нашей, ментовской точки зрения: без лабуды всякой, без фальши, все четко.

– И снова спасибо, – рассмеялась Глаша, признаваясь: – Мне приятно. – Сделала глоток кофе, непроизвольно поморщившись – остыл. – Ну а, – продолжила она, поставив чашку на блюдце и отодвинув от себя, – Элеоноре, понятное дело, не понравилось. Учась на режиссерском факультете, я снялась в небольшой роли в одном авторском кино, такой легкий андеграунд, который в стране и не шел толком, зато поучаствовал в фестивале авторского кино в Европе. Без наград, но был отмечен. А потом я поставила спектакль в одном из ведущих театров страны. И непонятным мне образом его почему-то объявили резонансным, а мою режиссуру открытием года. А потом и того пуще: мы получили «Золотую маску»

за постановку, а я еще и «Золотую маску» за дебют. Мы с Катей приехали на юбилей Полины Олеговны и, разумеется, пришли в театр посмотреть новый спектакль, после которого зашли в кабинет к Тихону Анатольевичу – поздороваться и поделиться впечатлением от пьесы. В кабинете была Элеонора, еще в гриме и сценическом костюме. И когда я, наивная чукотская девочка, понятия не имевшая в тот момент о ее «особом» негативном отношении ко мне, искренне восхитилась ее работой, Туркаеву буквально прорвало. Она наговорила мне кучу гадостей и вылетела из кабинета, хлопнув дверью.

– То есть ты была в курсе ее неприязненного отношения к тебе? – уточнил для протокола Лепин.

– Как сказала Зина Осиповна: «Сравнительный анализ своих и твоих, Глаша, достижений нашей приме определенно уже не по нервам». Меня как-то не трогает, что чьи-то неудовлетворенные амбиции вызывают у человека столь негативные чувства в мой адрес. Ну раздражаю я тебя, да и на здоровье. Это личное дело человека, чем он там грузится, я о нем вообще не думаю. В общем, подивилась столь бурной реакции и забыла. А через три месяца приехала провести с семьей Новый год. Катюшка в разговоре с отцом мимолетно упомянула о моем приезде, и Тихон Анатольевич вдруг загорелся идеей нового спектакля по пьесе молодого, классного автора, который всенепременно должна была поставить я.

– И теперь тебе пришлось напрямую столкнуться с ее ненавистью, – понимающе кивнул Юра.

– Я бы не стала называть это ненавистью, – поправила его Глаша. – Неприязнь – да, зависть, ну, может, скорее сожаление о своих упущенных возможностях. Да, я была для нее раздражителем, но честно надеялась, что талант и амбиции Элеоноры возобладают над неприязнью ко мне. Я не раз предлагала Туркаевой временное перемирие ради работы, но мое дружелюбие было явно невзаимно. И все же мы как-то умудрялись работать, и она старалась, увлеклась интересной ролью, погрузилась в процесс.

– Пока ты не взяла дублершу, – снова понимающе кивнул Юрий.

– Да, пока я не начала репетировать параллельно с Гордеевой.

– А кстати, почему? – задал неожиданный вопрос Лепин.

– Потому что Элеонора меня все меньше и меньше устраивала, – честно объяснила Глафира. – Она классная актриса, но эта роль не совсем ее. И чем больше мы репетировали, тем очевидней мне это становилось. Я бы ее раньше сняла, да эта самоизоляция все сбила.

– Тогда ответь мне на такой вопрос, Глафира: существуют ли у тебя с кем-то из театрального коллектива особые отношения – интимные или близкие дружеские?

– Это ты к тому спрашиваешь, что не мог бы этот самый близкий человек, удушив артистку Туркаеву, таким образом заступиться за мои прилюдно поруганные честь и достоинство? – хохотнула Глафира.

– Я рассматриваю любые версии, – серьезно ответил Лепин.

– И правильно делаешь, – поддержала его Глаша. – Отвечаю: точно нет, Юр. Многие, конечно, помнят меня еще девочкой и очень неплохо относятся, но никаких таких особых чувств никто ко мне не питает. Да, каждый из актеров, задействованных в нашей постановке, зубами, руками и ногами держится за свою роль, потому что, сам понимаешь, времена пришли голодные, опять приходится что-то там на себе затягивать и терпеть. А спектакль в постановке модного, нашумевшего автора – это большая доля вероятности полных залов, пусть даже спектакль получится так себе, но хайп на трендовом режиссере может круто сработать. К тому же им всем нравится то, что у нас получается, и отстранение от роли Туркаевой артисты приняли с облегчением, потому что ее непрофессиональное поведение стало откровенно мешать работе.

– Ну хорошо. А у нее с кем-то из труппы или работников театра были неприязненные отношения? Могла она кого-то достать до такой степени, чтобы вызвать ненависть?

– Ум-м-м, – задумчиво выдохнула Глаша, внезапно почувствовав наваливающуюся усталость. Зажмурилась, с силой потерла пальцами лоб между бровями. – Думаю, в той или иной степени за годы своего правления она допекла многих, скажем так. Но… м-м-м… – Она пыталась подобрать верные слова: – Попробую объяснить. Это нормально и обычно для большинства театров:

внутривидовая, так сказать, борьба между актерами. Всегда есть фавориты, любимые актеры худрука, которым он отдает лучшие роли, и менее любимчики, но тем не менее выделяемые, которых не обходят достойными ролями; есть середнячки и есть совсем уж задвигаемые. Конечно, внутри любой труппы существует любовь-ненависть, приятие-неприятие, дружба-вражда, как в каждом коллективе, только с большей амплитудой страстей-эмоций, но все это, м-м-м… не глубинно. Не до смертоубийства уж точно. Ко всем своим великолепным талантам Грановский еще и очень грамотный управленец, он дает работать и проявлять себя всем актерам, прекрасно зная их способности, сильные и слабые стороны, и это только поддерживаемая иллюзия, что все лучшие женские роли достаются Элеоноре. Отнюдь. За последние лет пять в труппу пришли молодые, сильные актрисы новой формации, новой школы, и Тихон Анатольевич ставит на них очень интересные, кассовые спектакли. Поэтому все эти показные, громкие скандалы Туркаевой лишь необходимое напоминание всем о том, кто здесь прима, показной эгоцентризм, шум и гам вокруг ее персоны, и эта игра воспринимается всеми достаточно снисходительно. Но осторожненько, без демонстративного пренебрежения. Элеонора все еще имела большое влияние на Грановского и могла при желании попортить кому-нибудь жизнь.

– Тебе? – осторожно поинтересовался Лепин.

– Пыталась. Заделалась моим горячим хейтером в Сети. Но Грановский так ее приструнил, что она быстро удалила все посты и даже повинилась. Ну ты в курсе. Нет, на меня она, конечно, налетала, грозила, но все это только слова, не более того. Со мной Элеонора побаивалась связываться всерьез.

– Так, может, с кем-то другим она себя не сдерживала и связалась всерьез?

– Не знаю, – неуверенно покачала головой Глафира. – Тебе лучше об этом спросить Зину Осиповну, вот она абсолютно досконально знает все про театр и про работающих в нем людей. – И повторила: – Не знаю, Юр. Но мне кажется, что вряд ли. Все прекрасно понимали, что у Элеоноры такой истероидный тип характера, такая натура, на самом же деле копить зло, помнить вдолгую, что там кто сказал про нее или не так сделал, а тем более мстить было совершенно не в ее натуре. Психотип не тот. Не думаю, что кому-то она могла прямо смертельно насолить. И если честно, я откровенно недоумеваю, почему ее убили. Все это какой-то бред. Вот так, достаточно хладнокровно, расчетливо-продуманно убить?

– Почему ты решила, что хладнокровно и расчетливо? – быстро переспросил Юрий, всмотревшись в выражение ее лица цепким взглядом.

– Да бог знает, прислушалась к своей интуиции, – ответила Глафира. – Пока не могу сказать. Но вот возникло такое ощущение… Как я понимаю, убийства совершаются только двумя способами: с четким холодным расчетом или под давлением момента, в состоянии аффекта. Так?

– Так, – односложно подтвердил Лепин, боясь сбить ее с мысли.

– Так, – повторила она за ним, размышляя вслух, – а тут как раз что-то было не так. Что-то для меня диссонировало в картинке. Понимаешь, Элеонора вылетела из кабинета мужа экспрессивная, гневливая, ее просто захлестывали эмоции, да еще и со мной в дверях столкнулась. Ну не могла она прийти в гримерку и тихо-мирно лечь отдохнуть на диванчик, да даже просто кинуться на диван картинно не могла. Не при ее характере. Ее же распирало, она бы металась, орала-кричала, била бы что-то, а если бы кто-то вошел в тот момент, она бы сорвала гнев на нем. Но никакого беспорядка или следов борьбы в комнате вообще не было. То есть что получается? Некто вошел в гримерку практически в то же время, что и Туркаева, и уговорил ее лечь на диван. Так, что ли? Вот ты представляешь себе истерящую женщину, которая вдруг спокойно ложится на диван? Что-то не стыкуется. Если бы ее силой укладывали, то картина борьбы была бы совершенно иная. Значит, что? Получается, что преступник хотел и замышлял ее убийство, но воспользовался удачным моментом?

– Или сам подстроил этот удачный момент, – внес поправку Лепин.

– Получается, что этот человек имел некоторое влияние на нее, раз смог уговорить Элеонору лечь на диван, когда та буквально клокотала и ее распирало от потребности что-то делать, двигаться, разрушать. Что, кстати, часто случалось, когда она изволила гневаться, вазы била без счета, могла цветы вышвырнуть в коридор, порвать костюм, запустить щеткой для волос в зеркало. Но насколько мне известно, нет никого, кто бы имел на нее столь сильное влияние, чтобы уговорить в этот момент просто прилечь на диванчик. Даже Грановский в такие моменты не смог бы ее утихомирить. – И замолчала, задумавшись. – Мне нужно время, чтобы подумать над этим, повспоминать подробно все, что я увидела и заметила в гримерке. Есть некоторые моменты, которые меня задели.

– Ты думай, думай, Глаша, – самым серьезным образом попросил Юрий. – Я возлагаю на тебя большие надежды. У тебя особое видение и память особенная. Ты вообще девушка такая… Я же помню, как ты могла найти любой спрятанный или потерянный предмет и вычислить «преступника».

– Мне просто везло, – засмеялась Глафира, вспомнив игры в сыщиков, одно время так увлекавшие весь их класс. Как обычно, с ее легкой подачи. – Лучше скажи мне, друг мой Юрий, сможем ли мы завтра репетировать?

– А ты как, ничего? – поинтересовался Лапин ее душевным самочувствием. – Не потрясла тебя картина смерти? Сможешь спокойно работать?

– Картина смерти не потрясла, но была крайне неприятна. Работать смогу, – словно закрываясь и отгораживаясь от него, ровным тоном ответила Глафира.

Возникшую между ними было легкую напряженность разбил прозвучавший громче обычного в повисшей неловкой тишине звонок смартфона.

– Да, – ответила Глаша.

– Глашенька, – спросила Зина Осиповна, – вы там закончили с товарищем капитаном?

– Мы закончили? – обратилась Глаша к Юрию.

– Десять минут, – словно извиняясь, развел тот руками. – Запишу показания, подпишешь, и все.

– Десять минут, – сообщила Глаша Зине Осиповне.

– Тогда потом зайди к Тихону Анатольевичу, он просил.

– Не загоняйся, Глаш, – примирительно произнес Лепин, – это нормально для мента задавать неприятные вопросы, подозревать, выспрашивать, высматривать.

– Не буду, – кивнула, соглашаясь, Глафира и поторопила: – Давай поскорей заканчивать.

Тихон Анатольевич, скрестив руки на груди, стоял у окна, задумчиво глядя на улицу, не оторвавшись от созерцания только ему ведомой картины, даже тогда, когда, коротко стукнув, в кабинет вошла Глафира.

– Вы как, Тихон Анатольевич? – спросила она, не став церемониться с его отстраненной задумчивостью.

– Плохо, Глаша. Никак не могу осознать, что ее… – Он немного помолчал и таки выдавил из себя: – …Что ее нет. Это кажется полным, совершенно невозможным абсурдом. – Посмотрел задумчиво на Глафиру и вдруг спросил с явно читаемой ноткой упрека в чуть дрожащем голосе: – А ты, Глаша? Неужели ты настолько сильно ее не любила, так обижалась на нее, что даже не ужаснулась, увидев убитой? Не пожалела?

Глаша не ответила, стояла и смотрела ему в лицо. Молча. И думала – что это? Великолепная игра большого актера или истинная скорбь, смятение и растерянность от внезапно обрушившегося горя?

– Прости, – неожиданно извинился Грановский и устало потер лоб. – Это я от горя и невозможности осознать ее смерть на тебя нападаю.

Глафира снова не ответила. Всем в театре давно было известно, что последние два года отношения Грановского с женой совершенно разладились, актеры почти открыто поговаривали, будто у худрука есть любовница не из театральных кругов, а у Элеоноры тайный любовник, ее давний поклонник, но все это относилось к сплетням-домыслам и совершенно не задевало сферу интересов Глафиры, поэтому в их суть она не вникала.

Но то, что между супругами не было прежней теплоты и доверия, она для себя отметила давно, а что между ними на самом деле происходит, вот уж точно ее совершенно не касалось.

– Вот так-то, – эмоционально произнес Грановский, прошел и сел в кресло за свой стол. – Я в растерянности и недоумении, сам не знаю, что говорю. – Он в сердцах махнул рукой. – Да сядь уже куда-нибудь, что ты стоишь.

Глафира прошла вперед, кинула свою объемную сумку на совещательный стол, вытянула ближайший к начальственному столу стул и села.

– Замучили меня своими вопросами полицейские чины, – пожаловался Грановский. – Подозревают. Если бы не наше с тобой да Зины с Леной железное алиби, то и вовсе в каталажку бы замели.

– Не замели бы, – подала наконец голос Глаша. – Вы большая величина, с чего бы вас арестовывать?

– С того, что муж всегда главный подозреваемый, – пояснил он и спросил примирительно: – Чаю хочешь?

– Нет, не хочу, домой хочу, – позволила себе тягостный вздох Глаша.

– Репетицию на завтра отменим?

– Не можем мы отменять репетицию, Тихон Анатольевич, – произнесла Глаша, снова шумно вздохнув.

– М-да… – печально протянул худрук, – помирай, а дело делай. – И откровенно признался, повторив извинение: – Ты уж не держи обиды, что так на тебя напустился, но когда прошел первый шок, отвечая на вопросы следователя, я внезапно вдруг поймал себя на мысли, что совершенно обескуражен твоим поведением в тот момент. Даже я, человек поживший, много чего прошедший, видевший и испытавший, растерялся в первый момент и никак не мог совладать со своими эмоциями. А ты, девчонка совсем, малышка, держалась совершенно хладнокровно, никакой паники, никакого страха и ужаса хотя бы перед покойником. – И, не удержавшись, все же попрекнул, хоть и в виде шутки: – И даже не кинулась, не попыталась ей помочь.

Это были те же самые вопросы и то же самое недоумение с завуалированным обвинением в холодной рассудительности, что высказал ей пятнадцатью минутами ранее Юрий Лепин, только сформулированные в иной форме, более интеллигентно и тонко.

Глафира не сразу ответила, спокойно выдержав внимательный, изучающий взгляд Грановского.

– Когда мне было пятнадцать лет, умерла моя бабушка.

– Я помню, – кивнул Тихон Анатольевич.

– Только мало кто знает, как именно она умерла, – словно не услышав его слов, продолжила Глаша. – Мы были с ней дома вдвоем, готовили ее фирменный гречишный пирог на ужин. У Андрея прошла какая-то значимая сделка, какой-то успех в делах, вот мы и решили это отметить торжественным ужином. Вдруг бабуля схватилась за грудь, задышала отрывисто и тяжело, побледнела. Говорит: что-то у меня сердце прихватило. Я поддержала, помогла ей дойти до дивана, уложила, вызвала «Скорую» и дала таблетки от сердца, которые она принимала. Села рядом на стул, взяла за руку и говорила, говорила что-то успокоительное, ободряющее, сама обмирая от страха и растерянности. А она лежала, закрыв глаза, и лицо у нее стало пергаментное, почти белое, даже губы побелели, сливаясь с цветом кожи, но она улыбалась моим словам. Хотела, наверное, подбодрить как-то. Внезапно вдруг открыла глаза, посмотрела на меня и произнесла очень четким голосом: «Я сейчас умру, Глашенька. Ты не пугайся, не бойся и не плачь. Не надо бояться смерти. Это не страшно. Надо любить жизнь, бороться за нее до конца, оберегать всячески, но когда она приходит, не надо ее бояться, все горести людей от того, что они боятся смерти. А ты не бойся. Никогда не бойся. И покойников не бойся. – И попросила: – Пообещай мне, что не будешь бояться». Договорила последнее слово и умерла. «Скорая» ехала долго, очень долго, около часа, и все это время я сидела рядом с ней, держала двумя руками ее остывающую ладонь и думала: хорошо, что я не успела дать ей обещание, которое не смогла бы сдержать, потому что мне было очень страшно, и ужасно тоскливо, и больно, и я плакала. Но в какой-то миг я неожиданно перестала плакать, потому что внезапно осознала, что больше не боюсь, и мне вдруг стало так тепло, так спокойно, словно бабушка меня обняла, приласкала и приободрила. И мне показалось, что я даже ощущаю, будто она поцеловала меня в лоб, как обычно всегда делала. И тогда я поняла и почувствовала все, что она хотела мне сказать.

Глаша замолчала, перевела дыхание, отпуская воспоминания, затем продолжила:

– Я бы спокойно могла обойтись без такого жизненного опыта, особенно в пятнадцать лет, но он у меня есть и этого уже никак не изменишь. С первого же взгляда, войдя в гримерку, я сразу поняла, что Элеонора Аркадьевна мертва. Если бы она была жива и ей просто было плохо, я бы боролась за ее жизнь, помогала и спасала, как умею. Но этого уже не требовалось. А вы растерялись и отказывались принимать факт ее гибели в первые мгновения, потому что она вам родной и близкий человек, потому что еще пятнадцать минут назад она возмущалась у вас в кабинете и была переполнена энергией жизни. А я не была никак эмоционально с ней связана, поэтому сразу восприняла разумом то, что увидела. Вот и все.

– Прости, – в который уже раз попросил прощения Грановский.

Помолчали. И поразительное дело, непонятно почему, но Тихон Анатольевич вдруг решил поделиться с Глашей глубоко личным, сокровенным:

– Последние года три у нас с Элей совсем разладилась семейная жизнь. Мы словно перестали быть близкими людьми, но и расставаться не хотели. По разным причинам, в основном из-за трезвого расчета, привычки, удобства. – Он помолчал, весь погрузившись в свои переживания, и, посмотрев на Глашу больным, измученным взглядом, признался: – Но я ее любил. И многое прощал, как и она мне. И отпустить не мог, потому что она была «злодейка души моей», как у Чехова его Книппер. И расстаться не могли, и уже мучились друг с другом. Вот так, Глашуня, вот так. Жизнь.

– «И было мукою для них, что людям музыкой казалось», – процитировала она строку из Анненского.

– Именно так, Глаша, именно так, – скорбно покачал он головой.

Глаша сидела в машине, смотрела через лобовое стекло вперед и прокручивала в голове разговор с Грановским.

Люди предпочитают понимать тебя так, как им удобно, и трактовать твои поступки и слова через призму своих житейских установок, своих комплексов и своего восприятия жизни. Не бьешься в паническом припадке, увидев убитую женщину, не верещишь со страху, кидаясь делать глупости, – значит, ты

бесчувственный человек, не умеющий сочувствовать людям. Какое же количество глупостей и непоправимых трагедий творят люди от неумения, а чаще просто от нежелания слышать и понимать другого человека!

Нельзя сказать, что Глафире было совсем уж безразлично мнение других людей о ее персоне. По большей части, конечно, да; например все, что высказывала и несла в адрес Глафиры Туркаева, никоим образом ее не задевало. Наоборот, лишь вызывало какую-то странную жалость и сочувствие к беснующейся женщине.

Мнение близких и родных людей, разумеется, было важно и значимо, это понятно и нормально. И если Юрины вопросы лишь напрягли своей провокационностью, то высказывание Грановского неприятно царапнуло.

Глафира иначе, чем большинство людей, воспринимала жизнь, по-другому реагировала на обстоятельства и своеобразно перерабатывала информацию. В основном она мыслила образами, картинками, наполненными красками, подробностями, мелочами.

Если спросить психологов и психотерапевтов, то они объяснят, что таким способом мыслят и воспринимают мир все люди. Да, но только большинство людей делают это неосознанно, в состоянии рассеянного сознания и разума, как правило, сначала реагируя на раздражители, слова, обстоятельства и лишь вдогонку осознавая. Это в лучшем случае – осознавая.

Глафире же была присуща совершенно особая психосоматика: большую часть времени она находилась в состоянии осознанности, и это каким-то необъяснимым образом заставляло одновременно работать разум и эмоции, будто в ее сознание был встроен какой-то неведомый конвектор – и стоило попасть в него интересной информации, она мгновенно выстраивалась в некий виртуальный ряд и находилась там до момента востребования.

Имелись у нее еще и некоторые особенные способности сознания, о которых Глафира старалась не думать.

Когда она осознала эту свою непохожесть на других людей и странное устройство своего разума, что, надо сказать произошло с ней в довольно раннем возрасте, ей стало гораздо проще жить.

Она перестала обижаться на людей, ожидать от них тех поступков, которые казались лично ей правильными и логичными в той или иной ситуации.

Но это касалось только посторонних людей. С родными-близкими отношения складывались, как в любых обычных семьях: и обижались, бывало, друг на друга, и транслировали друг на друга какие-то свои ожидания и желания. Но слава богу, они всегда находились в диалоге и умели по-настоящему слышать мнение другого, воспринимать его интересы и желания, уступать и признавать не только свою правоту. Да и умение посмеяться над собой и обстоятельствами, и юмор, присущий всем в семье, сводили практически на нет любые недопонимания и разногласия.

Тот факт, что ее неожиданно задели обвинения Грановского, открыло Глафире то, что Тихон Анатольевич, оказывается, для нее гораздо более близкий и важный человек в жизни, чем ей представлялось.

Вот так, подытожила она свои размышления. Вот так.

«Ладно», – вздохнула Глаша, заводя машину, надо ехать к детям. Она хоть и не многодетная мать, но опекун трех неугомонных малолеток.

Объездив летом с театром полстраны в гастрольном туре со своей постановкой, Глаша оставила труппу в середине июля, приняв предложение сняться в небольшой, но интересной роли своего однокурсника по режиссерскому факультету, который ушел из театральной драматургии и пробовал себя в кинематографе, где-то добыв на эти «поиски себя в большом творчестве» финансирование. И оставшиеся полтора летних месяца провела на съемках.

Свезло ей необычайно во всех отношениях. Во-первых, съемки проходили на Черном море – конец лета, бархатный сезон, дикие пляжи, теплая вода, ласковое солнце.

Ну а во-вторых, и самых главных, это работать с Аркадьевым! Предложение Глафира приняла сразу же, даже не прочтя сценарий, – он позвонил, спросил, не хотела бы Глафира сняться у него, она тут же сказала «да» не раздумывая, потому как Лешка Аркадьев был потрясающе, до гениальности талантлив,

совершенно свободен в трансляции и воплощении своего творческого замысла и порой делал такие вещи, ломая всяческие устои и представления, что дух захватывало от восхищения.

Фильм назывался «Преломление» и вышел в прокат во время карантина, но она его еще не смотрела, вот останавливало что-то, скорее всего, не хотела погружаться в переживания той роли, целиком сосредоточившись на постановке спектакля. Да это не важно, главное, что Глафира получила величайшее творческое и, как ни пафосно звучит, духовное наслаждение, работая с Аркадьевым. И прямо смаковала каждую минуту этой работы – училась, впитывала в себя его методы и приемы, честно предупредив: буду применять в своей работе.

– Да на здоровье, Пересветова, – посмеиваясь, говорил Лешка, – обращайся, если что.

В осень вошла, все еще пребывая в том особенном состоянии души, когда хранишь, стараясь не расплескать восторга и такого вкусного, щемяще-сладкого ощущения от классно сделанной работы, от общения с мощной личностью и полученных потрясающих уроков.

Зимой Глафира получила два интереснейших предложения от художественных руководителей столичных театров на постановку интересных пьес в качестве режиссера. Стоит только вдуматься, что именно и кто ей предложил! Ей, молодой соплячке, ничего толком еще из себя не представляющей и не сделавшей, только входящей в профессию, это не просто удача, это какой-то прямо… у-у-ух и о-го-го! Сильно, в общем.

Она уже пищала от восторга, просматривая присланные пьесы, с замиранием душевным думая, с кем же из них согласиться работать: и туда хочется, и туда… И вдруг внезапно и так четко подумалось – не-а, не получится.

Не то что у нее не получится, а вообще не получится ни один из этих проектов, не сложится по каким-то техническим, организационным причинам или каким-то иным обстоятельствам. И через несколько дней размышлений и сомнений Глафира уже точно чувствовала, что эти постановки не состоятся.

И откуда что взялось?

И точно такая же уверенность, что и этот проект не состоится, возникла у Глаши, когда ее пригласили на пробы для фильма у достаточно крутого режиссера.

И что-то ей стало так от самой себя и от этих своих ощущений-настроений нерадостно, что внезапно так сильно, пронзительно, до щемления в груди захотелось уехать на Новый год на родину. К родным.

Там будет классно. Она это точно знала.

Слепящие белизной нетронутые сугробы, тайга в снегу, морозец. Их большой, теплый, уютный дом, ее огромная любимая кровать – нигде больше нет такой кровати, как в том доме. Долгие прогулки на лыжах, игры на снегу, снежки, копошение с детьми в сугробах, катание на санках, хохот, веселье, красные щеки от мороза, заледеневшее дыхание, сосульки на варежках. Банный жар с веничками, неспешные, расслабленные посиделки с потягиванием травяных напитков за столом в предбаннике.

Дом, полный доброго пирогового духа… печева, и такое большое, сверкающе-радостное и уютно-теплое счастье единения с самыми близкими.

Все, решено – едет! Что в той Москве высиживать?!

И все, что представлялось Глафире красочными картинками, это нетерпеливое, радостное предчувствие и ожидание праздника – все сбылось. И было намного-намного лучше, чем даже представлялось в фантазиях.

В их большом семейном доме собрались все родные: понятное дело, хозяин, старший брат Глафиры Андрей с женой Ольгой и тремя детьми – сыном Андрея от первого брака Саввушкой восьми лет и двумя детьми Ольги от ее первого брака – сынишкой Макаром семи лет и доченькой Агатой пяти лет. Общих детей у Андрея с Ольгой пока не было, но они мечтали и планировали и активно «работали» над этим вопросом. Ну разумеется, был и средний брат – Игорь с женой Вестой и их детьми: десятилетней Анжеликой и пятилетним сыном Потапом.

И Кира Павловна, помощница по хозяйству, давно ставшая членом семьи, и самые близкие друзья. Какие-то гости приехали на Новый год и остались на несколько дней, какие-то приезжали на день-два, кто-то лишь с ночевкой или на денек поздравить-отметить.

И такой получился замечательный праздник, давно Глаша не отдыхала вот так здорово, на полную катушку, отводя душу так, чтобы каждый день сплошная радость, и куча занятий-приключений, и полный расслабон, хохот, смех, радость, веселье. Настоящий Новый год! Ни одной мысли о работе, никаких тревожных ожиданий, размышлений, не отпускающих дел.

Отрыв в чистом виде. От всего.

Но долго ей расслабляться не дали: позвонил Грановский и пригласил на встречу. И ошарашил, предложив поставить в его театре пьесу Антона Веленского, молодого начинающего, но очень интересного драматурга.

Глафира сразу согласием не ответила, попросила время для принятия решения и прочтения пьесы. Целый день крутила в голове неожиданное предложение, а ложась спать, внезапно почувствовала, услышала тот самый свой внутренний голос – «надо соглашаться, все получится».

Утром позвонила Тихону Анатольевичу и дала свое согласие.

Понятное дело, что поставить спектакль – это вам не в затылке почесать. Мало кто из зрителей отдает себе отчет и понимает, что за игрой актеров, за тем действием, которое происходит на сцене и так увлекает их воображение, стоит огромный, колоссальный труд множества людей. Художников, декораторов, костюмеров, художников по костюмам и портных, работников сцены, звукооператоров, рабочих, выстраивающих декорации, администраторов, помощников режиссера, гримеров и еще многих и многих. А то, что вы видите, это только верхушка айсберга, пусть и сияющая позолотой.

И всех этих людей объединяет в одно целое, сплачивает в коллектив единомышленников, нацеленный на достижение результата, руководит ими и направляет режиссер. Его мысли, его видение картины, мощность его воли и умение воплотить свою идею в нечто реальное. Желательно грандиозное. Понятное дело – назвался груздем, ну так и не трынди!

Но если бы кто знал, какой это стремный момент – входить в новую работу, в постановку. Прекрасный, потому что ты полностью погружен в мир своей пьесы, и это настолько сильно, ярко и великолепно, что не передать никакими словами. И вместе с этим душевным фееричным подъемом чувствуешь себя полным нулем, профаном и неумехой, не знающим ничего про какую-то там режиссуру, с ужасом думая, сколько же в тебе наглости, чтобы браться за такую глыбину, ни фига не умея, судорожно пытаясь сообразить, как с этим всем разбираться, одновременно справляясь с паникой.

И надо как-то удержать себя от этой захлестывающей паники, собраться, войти во внутренние настройки, в определенные вибрации, совпадающие с уровнем произведения, чтобы не состряпать со страху какую-нибудь душещипалку, не опуститься до вульгарности и пошлого натурализма, которые, что не удивительно, по законам рынка, лучше всего и продаются.

Выдержать этот первый, самый страшный момент, вдохнуть, дать себе свободу, поверить в себя, выключить тревожное сознание и разрешить себе слиться с уже разворачивающейся в твоем воображении картиной. Слиться, почувствовать ее всеми рецепторами, стать ею, наполниться ее энергией, запахом, музыкой, ритмом настолько, чтобы хватило до полного воплощения замысла.

А потом выдохнуть. И делать дело, не отступая ни на шаг, не признавая компромиссов. Просто делать свое дело.

И когда в этот процесс вмешиваются обстоятельства неодолимой силы – при всех трудностях, при всех даже самых фатальных раскладах сохранять в себе эти настройки, силу и энергию твоего замысла, раздваиваясь на трепетное удержание в себе своего еще не воплощенного детища, и на жизнь обычную, со всеми ее проблемами и трагедиями, даже когда это кажется невозможным.

Репетиционный процесс остановился на полном ходу карантином и закрытием на неопределенный срок театра, когда уже и костюмы начали делать, такие классные, что Глаша даже и не ожидала (и из-за них первоначальную идею декораций пришлось немного изменить, но, на ее взгляд, конечный вариант был даже лучше прежнего), и актеры «поймали» нужный настрой… И сколько им так сидеть – хрен знает.

Все в растерянности от этого непонятного коронавируса, от каких-то жестких ограничений. Только Андрей с Игорем работали. Нет, понятно, что и в их бизнесе много чего позакрывали, но большая часть производства обслуживала госзаказы, да и логистика не останавливалась, а мелкое производство они решили срочно перепрофилировать на выпуск масок и санитайзеров. Вот и приходилось Андрею мотаться из поселка в город.

Как-то вечером сидели за ужином всем семейством, смеялись, шутили, угорали от детских выступлений, это их детвора очень любит – что-нибудь рассказать, причем сразу втроем, перебивая друг друга, активно помогая повествованию жестами и уморительной мимикой.

Глафира в какой-то момент вдруг выпала из общего веселья – голоса, смех, разговоры как будто отдалились, словно ее погрузили в некую сферу, что ли, отделившую сознание от окружающего пространства и…

– Андрей, ты завтра утром не спеши ехать, хорошо? – произнесла она.

– Что? – смеясь, переспросила Ольга.

– Не стоит Андрею завтра утром ехать, – возвращаясь в обычное состояние, повторила Глаша.

– Почему? – удивилась Оля, напомнив: – Мне тоже в город надо. Нам заказ должны доставить на городской адрес.

– Подожди, Оль, – остановил жену Андрей, внимательно присмотревшись к сестре. – Глашуня, – осторожно спросил он, – почему нельзя ехать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/aktrisa-na-glavnuyu-rol

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити